

ТАЙНЫЕ В.Ф. АГЕНТЫ

Светозар Чернов

ТРИ КОРОБА ПРАВДЫ

ИЛИ

*Дочь
уксусника*

Светозар Чернов
Три короба правды,
или Дочь уксусника
Серия «Тайные агенты», книга 4

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6223935
ADVENTURE PRESS;
ISBN 978-9-934-82030-4

Аннотация

1892 г., Петербург. Директор полицейского управления Дурново в срочном порядке вызывает из якутской ссылки Степана Фаберовского, бывшего лондонского сыщика, и Артемия Ивановича Владимиров, художника-передвижника, бывшего агента III отделения. У него нет выбора. “Да, я знаю, что среди департаментских чиновников, особенно из Третьего делопроизводства, ходит убеждение, что сделать Фаберовский с Владимировым могут все. Но лучше продать душу дьяволу, чем связываться с ними“. *П.Н. Дурново* Но даже он не подозревает, в какой невероятный балаган превратят эту историю двое сыскных агентов.

Содержание

22 декабря 1892 года, вторник	5
23 декабря 1892 года, среда	28
24 декабря 1892 года, четверг	47
25 декабря 1892 года, пятница	82
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Светозар Чернов

Три короба правды, или Дочь уксусника

*М. г. Петр Николаевич,
имею честь препроводить при сем к Вашему
превосходительству найденный сегодня на почте
конверт с письмом, могущим Вас заинтересовать.*

Примите, м. г., и проч.

А. Фомин

22 декабря 1892 года, вторник

– Как вы думаете, господа: примет наша Городская Дума, наконец, решение позволить дамам ездить на империале?

Маленький человечек с тремя золотыми звездами тайного советника на воротнике мундира отвел глаза от остановившегося внизу, на Владимирской площади вагона конной железной дороги, и повернулся к своим посетителям. Посетителей в его наполненном сладким запахом иланг-иланга кабинете было двое: длинный тощий поляк в запотевших с мороза очках и невзрачная, среднего роста личность в галошах поверх сапог, которая непрерывно шмыгала носом. Оба скромно стояли у дверей кабинета, выщипывая лед из бород, зябко передергивая плечами, и с опасливым благоговением взирали на директора Департамента полиции – человечек в мундире был Петром Николаевичем Дурново.

– Примут, ваше превосходительство, – сказала личность, шурясь от слепящего зимнего утреннего солнца, бывшего прямо в окно из-за соборной колокольни на другой стороне площади. – Не посмеют вам отказать.

– Я-то как раз против такого решения, господин Владимир, – Дурново взял из коробки на столе сигару, чтобы закурить последний раз перед отъездом в департамент. – Я уверен, что стоит только позволить, как тотчас различные порочные особы станут намеренно лазать на империал, чтобы

оттуда, сверху развращать чистое и неопытное юношество, а почтенных отцов семейства ввергать в неуместный соблазн.

Сказав это, Петр Николаевич помрачнел и опять отвернулся к окну. Внизу, на площади две парившие от усталости лошади тщились сдвинуть с места тяжелый вагон конки, до отказа забитый заочеченными пассажирами. Зато верхняя площадка вагона – империал – была совершенно пуста. Лишь тонкая цепочка следов тянулась по неубранному с крыши снегу, от лестницы до самого ограждения с деревянным щитом над головой кучера, рекламировавшим армянский магазин дамских вещей в Гостином дворе, и заканчивалась одиноким отпечатком чьих-то филейных частей в сугробе на сиденье. «И здесь жопа», – подумал обреченно Дурново.

– Действительно, форменное безобразие! – поддержала директора Департамента полиции поименованная «господином Владимировым» личность. – Я даже аллегорическую картину задумал написать: «Верхнее и исподнее».

– Так вы, значит, на художественном поприще подвизались?

– Я художник-передвижник и писатель-мемуарист, да еще неквалифицированным помощником дезинфектора при этом состою, – Владимиров мотнул головой в сторону поляка.

– Видел ли я ваши картины на последней передвижной выставке в марте?

– Нет, мы еще из Якутска ехавши были. Но на баллотировку на 21-ю выставку я представил целых четыре.

– Молчи, пан Артемий! – шикнул на Владимирова поляк.

– Отстань, Степан! – отмахнулся тот. – Когда еще случай представится... А картины мои, ваше превосходительство, суть: «Старый конь, портящий борозду», «Крестьянин Иванов с семьею, хлебающие щи лаптем» и «Прячут концы в воду». Ее великий князь Владимир Александрович купил. И еще натюрморт, «Сыр, катающийся в масле».

В кабинет осторожно заглянул истопник с охапкой березовых дров и, получив молчаливое разрешение Дурново, присел около изразцовой печи. Положив в огонь пару поленьев и пошевелив в печке кочергой, истопник ушел, оставив на полу мокрые следы валенок.

– А еще у меня есть картина, которую и у вас в гостиной было бы не стыдно повесить, – продолжал Владимиров. – Только что изготовленная. Я ее Репину показывал, так он ее очень одобрил, большой, говорит, талант, только красок поменьше расходуйте.

– Называется «Наставляющие рога», – сказал поляк.

– Как?! – дрогнувшим голосом спросил Дурново.

– «Навешивающие рога», – поправил Владимиров. – Видите ли, охотники, когда убьют лося или какого оленя, отрезают ему голову, вбивают в стену особый штырь и на него навешивают эту рогатую морду. Там, на картине, вернувшийся с долгой охоты респектабельный джентльмен или даже ка-

кой-нибудь иной высокий чин, или лорд стоит на стремянке у стены, а молодая жена его снизу подает ему наставляемые таким образом рога. Я хотел отдать ее для потомков в подаренную Москве г-ном Третьяковым галерею, но теперь думаю презентовать ее вам.

– Не стоит, – сказал Петр Николаевич. – Я слышал, что в прежние времена в нашей Заграничной агентуре и потом у генерала Черевина вас расценивали как весьма способных и достойных доверия агентов, а отнюдь не художников. Поэтому я решил поручить вам одно очень щекотливое дело. С некоторых пор мы стали наблюдать за бразильским поверенным в делах Луицем Феррейрой д’Абреу. Его дипломатическую переписку, а равно и переписку по почте, мы перлюстрируем. Меня же интересует переписка, которую он ведет со своими здешними корреспондентами через посыльных и иными путями, а также личности тех, с кем он переписывается. Только не приносите мне счетов от портных, приглашений на балы и другой мусор. Перехваченные вами письма должны поступать прямо ко мне в нераскрытом виде – важность заключенных в них сведений слишком велика, чтобы я мог доверить ее вам. Бразильский секретарь живет на Большой Конюшенной, в доме Вебера, где булочная. Вы получите открытые листы, я сейчас вам их выпишу. Но если вас разоблачит бразилец – не вздумайте показывать их или ссылаться на меня. Сгною в Якутске.

– Пфе! – пожал плечами Фаберовский. – Нас там с паном

Артемием жены дожидаются. Они за нами в ссылку поехали, а когда генерал Черевин нас казенным порядком обратно вывез, они там остались. Дезинфектором за рубль в день много не заработаешь, им на обратную дорогу не накопишь.

– Вы получите деньги на их возвращение, когда исполните до конца мое поручение, – объявил Дурново. – Но учтите, я хочу все закончить до Крещения.

– Дурные нам святки приготовило ваше превосходительство, – сказал поляк.

В кабинет заглянул камердинер и доложил, что из штаба Гвардейского корпуса прибыл адъютант.

– Пусть подождет. – Петр Николаевич придвинул к себе департаментский бланк и стал писать:

«Податель сего, Артемий Иванов Владимиров, выполняет особое поручение Департамента полиции, в связи с чем вменяется в обязанность всем чинам городской полиции и дворникам оказывать оному лицу всяческое содействие.

Директор Департамента полиции Дурново»

Вторая бумага была точно такого же содержания, но была выписана на имя Степана Фаберовского.

Дурново заставил поляка расписаться за пятьсот рублей, выдал им триста и милостиво указал на дверь. Сам он тоже вышел в приемную, где уже дожидался прибывший офицер. Тот вытянулся перед директором Департамента и со словами «от Его Высочества Владимира Александровича» вручил запечатанный сургучом пакет.

– Вот и вспомнили о нас, Степан! – взволнованно сказал Артемий Иванович, спускаясь по лестнице. – Ну же, показывай, сколько нам дали! Деньги, настоящие! Как же я по ним соскучился! Если эта стерва все-таки выкинула наши вещи на двор, мы ей теперь покажем с таким-то листом! «Ах, убийтесь из комнаты в углы, ежели платить нечем!» Мы теперь с управляющим и слова не скажем. Пусть сама к нам приходит, если надо. Подумаешь, Пфлюгер! Да нам теперь тьфу на таких Пфлюгеров! Да мы у нее еще комнату снимем бесплатно, просто так, для куражу. И лист открытый на дверь приедем, чтобы управляющий к нам ближе чем на пятьдесят аршин приблизиться боялся. Но сперва пойдем к Игумнову в «Венецию», пусть машину свою на весь вечер заводит, а нам поросеночка, да осетринки. Или нет, пойдем прямо сейчас к «Палкину». Ну ее, эту машину. Цыган позове-
м.

– Шиш тебе, а не цыган. – Фаберовский сложил пальцы кукишем. – Но водочки, так и быть, выпьем.

– Знаешь, Степан, я вот как думаю, – Артемий Иванович оглянулся на дверь. – Дурново нам специально не все сказал, а дело тут не в письмах, тут заговор созрел гнойной шишкой, пока нас около престола не было. Ей же Богу, не сможет он со своими профанами сам, без нас заговор этот раскрыть. Все провалит. Пока мы с этими письмами будем вожжаться, злодеи успеют нанести удар первыми! Мы должны сами взяться за дело, и обо всем сообщить генералу Черевину. Он Госу-

даря охраняет, он от нас не отмахнется. И по старым делам он нас знает. И благодарность царская с ним нас не обойдет. К Пасхе по ордену получим, помяни мое слово, и аудиенции высочайшей удостоимся. Я на аудиенции Государю так и скажу: «Александр Александрович!»

– Чего тебе?! – неприязненно обернулся обогнавший их адъютант.

– Ступай мимо, я не тебе, – досадливо отмахнулся Артемий Иванович.

– Чего?! – в голосе офицера прозвучала угроза, и он сделал шаг вверх по лестнице.

– Проходите, милостивый государь, – внушительно произнес Фаберовский.

Адъютант пожал плечами, но связываться со штатскими не стал – на лестнице у квартиры директора Департамента полиции можно было нарваться на что угодно.

– Вали-вали подобру-поздорову! – крикнул ему вслед Артемий Иванович. – Так вот я Государю прямо скажу: «Александр Александрович! Мы ради Вашего Величества готовы хоть на смерть!»

Они вышли на улицу и поляк, щурясь от искрящегося на солнце снега, проследил взглядом извозчичьи сани, унесшие адъютанта в сторону Невского проспекта.

– Ты, пан Артемий, лучше скажи, для чего мои калоши с утра надел? – сказал Фаберовский, которого холод пробирал до самых костей сквозь худое пальто. – Ну-ка, снимай!

— А я в чем пойду?! Ты хоть в ботинках, а у меня под га-лошами одни сапоги. Я даже своих носков отыскать не успел, когда посыльный из Департамента ввалился да велел срочно с ним собираться! Хорошо, у тебя в кармане чьи-то носо-вые платки нашел — хоть ноги не отморозил! И то пришлось кашне на портянки располовинить!

* * *

Кабинет великого князя Владимира Александровича на-ходился на первом этаже и выходил окнами на Неву. Сю-да лакей и провел Дурново, предложив сесть и подождать. Петр Николаевич осмотрелся. У окна в стойках красного де-рева стояли многочисленные бархатные папки с гравюрами. У противоположной стены были прислонены недавно куп-ленные, но еще не определенные к развеске картины в тя-желых золоченых рамах. Другую стену занимал огромный портрет великого князя во время турецкой кампании. Ря-дом висело множество мелких картин. Чтобы занять себя в ожидании великого князя, Дурново стал их разглядывать. Внимание его привлек один карандашный набросок, изобра-жавший двух бедуинов, мчащихся по пустыне на верблюдах. Странные это были бедуины. Если один, что пониже, весьма смахивающий на Владимирова, еще мог сойти за бедуина, то второго, долговязого и в очках, он точно видел сегодня утром у себя дома!

– Что, нравится? – спросил великий князь, входя в кабинет. – Мне тоже нравится. Я ее купил у акварелиста Гриценко. Называется «Бедуины приветствуют поезд наследника-цесаревича на дороге Исмаилия-Каир».

– На бедуинов они мало похожи, Ваше Высочество, – ответил Дурново.

– И не мудрено. Гриценко говорил, что они потом то ли англичанами, то ли нашими соотечественниками оказались.

Великий князь поместил свое тучное тело в кресло по другую сторону стола. – Ты ознакомился уже с моим письмом, доставленным тебе утром капитаном Сеньчуковым?

– Ознакомился, Ваше Высочество. Мне кажется, что не стоит придавать особой цены сведениям о готовящемся заговоре против Государя, если они получены от германской полиции. Генерал Черевин переправил мне доклад, сделанный Государю товарищем министра иностранных дел. Вопрос, с которым вчера вошел ко мне от вашего имени подполковник Дубасов, мне видится более значимым для обсуждения.

– Это какой еще вопрос? – удивился великий князь.

– Вопрос о распространении мужеложства в Гвардейском корпусе.

– Ты намекаешь на моего младшего брата?

– Я не могу входить в рассуждение об этих предметах, Ваше Высочество, – осторожно ответил Дурново.

– Похвально! – захохотал Владимир Александрович. – Ну, да ты-то знаешь, шельмец. Мне донесли, что хотя цесаре-

вич избежал его влияния и, как ты знаешь, остался правильных взглядов в вопросах пола, у меня в Гвардейском корпусе этот отвратительный порок по-прежнему в большом употреблении. Оказывается, многие нижние чины гвардии ходят в Зоологический сад вовсе не на животных смотреть в познавательных целях, а чтобы там их «тетки», содомиты проклятые, употребляли в ретирадном месте с казенной части! А я-то, дурак, велел в библиотеку каждого из гвардейских полков выписать «Жизнь животных» в четырех томах.

– Я сочинения г-на Брема своим детям тоже купил, – сказал Дурново.

– Так вот, мне хотелось бы, Петр Николаевич, чтобы ты распорядился провести на сей счет подробнейшее и негласное дознание с донесением мне результатов оного. Я относился через подполковника Дубасова к градоначальнику Грессеру, но за смертью Грессера следствие так и не было открыто, а нынешний градоначальник уже полгода уклоняется от этого дела. Уж обеспокойся хотя бы ты. Мы из этих «бугров» сформируем сводный полуэскадрон и отправим в Москву в распоряжение генерал-губернатора.

Владимир Александрович опять громогласно загоготал, и Петр Николаевич тоже принудил себя хихикнуть.

– Я немедленно распоряжусь господину Вошнину из Сысской составить экстракт из важнейших полицейских дознаний за последние годы, – сказал он. – А также установить наблюдение за уже известными притонами в Петербур-

ге. Сам я, Ваше Высочество, большей частью политическими делами занят был, как требующими более внимания и усердия по причине опасности их для общества, и потому не столь осведомлен в интересующем вас предмете.

– Так в дознаниях политических ты, значит, сведущ? И при этом ты смеешь убеждать меня в том, что сведения немцев про заговор немногого стоят?! Вчера на обеде у графа Волкенштейна я получил новое свидетельство о его существовании, на этот раз от австрийского военного агента. Полковник Клепш не только подтвердил уже известное, но и назвал дату, когда, по его сведениям, должно произойти выступление – в начале февраля. Самое страшное, что сближение России с Францией объединило также и русских бомбистов с французскими анархистами в общей ненависти к нашему Государю и в желании во что бы то ни стало если не разрушить наш союз, то хотя бы лишить Его Величество жизни. Я хочу знать, что намерена предпринять полиция, чтобы отвести эту угрозу от моего брата и всех остальных членов царствующего дома.

– Не думаю, Ваше Высочество, что эти сведения могут иметь какое-то основание. Полиция знает о существовании в столице «Группы народовольцев», которая в своем «Летучем листке» признает политический террор главным орудием борьбы. Однако мы пристально следим за ними, и с этой стороны никакой опасности пока ожидать не приходится. А сообщениям из-за границы веры никакой нет. К примеру, в

прошлом месяце в Кракове осудили на десять лет каторги Иосифа Гендигера, который все наше Петербургское охранное отделение на уши поставил своими доносами о готовящемся заговоре на жизнь Государя, а оказалось, что он просто оговорил невинных, чтобы денежное вознаграждение получить в качестве осведомителя. А за границей вообще ничего толком о наших делах не знают и выдумывают такое, что просто курам на смех. Вы же сами знаете, Ваше Высочество: заграничные газеты просто пестрят сообщениями о заговорах и покушениях на Государя, и даже о сотнях гвардейских заговорщиков, отправляемых в Сибирь пароходами. А та июньская история, когда немцы на весь мир раструбили, что вы, Ваше Высочество, на ходу вывалились из поезда через внезапно распахнувшуюся дверь купе на некой станции Черезпоеть? Хотел бы я знать, кто у них вообще такие дурацкие истории выдумывает...

– О заговоре, про который я тебе говорю, я впервые от самого кайзера услышал, когда месяц назад был у Вильгельма в Гёрде на охоте. Ты полагаешь, что слова германского императора не имеют никакого веса?

– Ваше Высочество... – Дурново побледнел, поняв, что сболтнул лишнее, и встал. – Разумеется, это меняет положение. Хотя в последнее время наши отношения с Германией омрачены многими торговыми и таможенными проблемами, молодой император остается искренним другом русской монархии и вашим личным другом, поэтому у нас нет никакого

резона пренебрегать предупреждением германского императора.

– Вот представь, что ты утром рассуждаешь со своим поваром об обеде, а он тебе говорит: «Вопрос об обеде, ваше превосходительство, положительно не стоит никакого внимания!» – Великий князь вскочил. – Как ты можешь говорить о резонах и цене, когда речь идет о жизни Государя! Быть может, мне прикажешь в гвардии особое отделение заводить в дополнение к вашему Третьему?! С агентурою?! Работу твою выполнять?!

Великий князь долго еще сотрясал воздух громогласными ругательствами, даже после ухода директора Департамента полиции, потом сел, и, чтобы успокоить нервы, стал рвать трясущимися от возбуждения руками лист бумаги с изображенными на нем собственной его рукою ножками балерин. Постепенно он увлекся и даже стал сопеть носом. Превратив балерин в горстку бумажных хлопьев, великий князь дернул сонетку, чтобы лакей смел мусор в камин, а сам направился в столовую, где его дожидалось покинутое на время избранное офицерское общество, состоявшее из его собственных адъютантов, адъютантов штаба Гвардейского корпуса и некоторых офицеров гвардейских полков.

Накануне ночью они с женой опять обсуждали предостережение кайзера, и Мария Павловна разъяснила ему истинный смысл речи Вильгельма в Потсдаме, желавшего видеть во главе русского государства более лояльного Германии ца-

ря, и царицу, у которой не будет выступать пена на губах от одного упоминания немецкого соседа. Мария опять настаивала на необходимости скорейшего создания особой охраны из офицеров-гвардейцев, которая должна оградить великого князя от террористов, а в случае смерти царя помочь сразу взять ситуацию в свои руки.

— Как я и предполагал, господа, от полиции нам ждать помощи не приходится, — объявил собравшимся Владимир Александрович. — Капитан Сеньчуков, когда вы сегодня утром отвозили мое письмо г-ну Дурново, он читал его при вас?

— Да, Ваше Высочество, — с кресла поднялся семеновский капитан с адъютантскими аксельбантами на груди.

— И как вам показалось: отнесся ли он к нему с должным вниманием?

— Нет, Ваше Высочество. Он бегло взглянул на него и бросил к остальным бумагам.

— Вот видите, господа! Только мы сами можем охранить Государя и династические начала в лице моих братьев и меня самого от злоумышлений нигилистов и анархистов.

Поднялся со своего места заведующий двором и личный адъютант Его Высочества, полковник Оболенский, до этого сидевший обмякшим на стуле у стены, и стеклянным взором смотревший на горевшие в камине дрова. Всю ночь до шести утра во дворце великого князя на Дворцовой набережной слушали цыганский хор и ужинали, и замученный пол-

ковник был сегодня еле живой.

– Мы, Ваше Высочество, пока вас не было, – сказал Оболенский, – осмелились начернить в общих чертах основные положения устава будущей лиги, а поручик Пургольд из эскадрона штаб-ротмистра Пистолькорса составил брьюн текста присяги – у него самый лучший из всех нас почерк и семь дуэлей из-за умышленного искажения своей фамилии!

История про дуэли Пургольда из Конногвардейского полка была известна всей гвардии. Говорили, что со своим эскадронным командиром, штабс-ротмистром Пистолькорсом, поручик сошелся как раз на почве дуэлей. Тот восемь раз вызывал однополчан на дуэль по той же причине, но так ни разу и не получил удовлетворения. Зато жена Пистолькорса, по слухам, от однополчан своего мужа в удовлетворениях отказа не имела.

– Дозвольте присягу зачитать?

– Я думаю, не следует называть это присягой, – сказал великий князь. – Надо назвать это как-то иначе, торжественным обещанием каким-нибудь... Читайте, полковник.

– «Вступая в доброхотную Свято-Владимирскую лигу, – начал читать Оболенский, – я, имярек, предварительно объявляю и закрепляю своею подписью, что присоединяюсь к дружине по собственному побуждению, и добровольно обязываюсь исполнять всякое поручение, какое мне будет дано, насколько согласно с долгом истинного верноподданного русского царя.»

– Неплохо, неплохо, – одобрил Владимир Александрович. – Аккуратненько, без крайностей. А что там с уставом?

– Ага, устав, – сказал полковник и заглянул в бумажку. – Лозунг: «Господи Иисусе!» Отзыв: «Всегда готовы!» Сам устав: «Св. Владимирская dobroхотная лига положена к охранению Богом избранной и народом назначенной династии...»

– Не нравится мне это ваше: «Всегда готовы», – перебил великий князь. – Готовякство какое-то выходит. Тем более что ничего еще не готово. Что вы там еще придумали, кроме устава?

– Штаб-ротмистр граф Ферзен предложил использовать в качестве опознавательного цвета малиновый цвет двора Вашего Высочества: для простонародья – малиновый кушак, для офицеров – малиновая повязка, а при статском платье – малиновый галстук на шее. А штаб-ротмистр граф Шереметев предложил в качестве тайного приветствия и знака использовать приветствие римских легионеров императору.

– Скажите, Шереметев, почему императору? – спросил Владимир Александрович. – Я всего лишь брат Государя.

– Потому что Святая Русь есть Третий Рим, – пояснил Шереметев. – Только приветствие это будет не прямое, а перед харею несколько наперекосяк, потому как святость наша происходит от Святого Андрея Первозванного.

– Перед харею наперекосяк – это как же? – спросило Его Величество.

– Да вот так вот, – вскинул наискосок вверх правую руку штаб-ротмистр. – Оно сойдет как бы за жест приподнимания шляпы в случае чего, чтобы не так заметно было.

– Всю эту ритуальную часть мы можем разработать задним числом, – сказал Владимир Александрович. – Меня, как одну из мишеней террористов, больше интересуют шаги практические.

– А практические шаги такие, Ваше Высочество, – сказал Оболенский. – Пока вас тут не было, зашла речь о жаловании или хотя бы прибавке тем избранным, которые войдут в лигу. Так вот я хочу сказать, что сегодня 22 декабря, а два миллиона, отпускаемые ежегодно вашему двору, израсходованы еще в сентябре.

– Мы можем взять их из экстренных сумм.

– Все экстренные суммы, Ваше Высочество, в ноябре были переведены в Берлин согласно вашей телеграмме, когда Ее Высочество заболела и была доставлена в Париж, а вы остались в гостях у германского императора в Потсдаме.

– Ну, почему у меня должна об этом болеть голова?! Велите Бухману что-нибудь придумать. Я хочу знать, как вы собираетесь охранять меня от злонамерений террористов.

– Штаб-ротмистр Пистолькорс доложит предлагаемые конкретные шаги.

Пистолькорс встал и твердым решительным голосом объявил:

– После ноябрьского собрания в Полюстрово мы под на-

чалом капитана Сеньчукова разработали следующие необходимые шаги: как особая часть нашей лиги создается дружина из двух эшелонов – отряда избранных и панельной охраны. Чтобы исключить недоразумения между членами дружины, все они должны быть снабжены особыми билетами по классам: синие для нас, желтые для панельной охраны и зеленые для фигурантов.

– Желтые для панельной охраны! – загоготал великий князь. – Гы-гы, бланковые охранники! Только я не понял, причем тут фигуранты? Они же в театре. Капитан Сеньчуков, может, вы объясните мне?

Опять встал семеновский капитан.

– Первый, внутренний эшелон, Ваше Высочество, состоит из особо доверенных офицеров, большей частью здесь присутствующих. Второй, внешний, эшелон активной охраны будет сформирован в виде панельной охраны, задача которой охранять Ваше Высочество и Государя в публичных местах. А что касается упомянутых штаб-ротмистром фигурантов, то нам потребуются своего рода ополченцы, которые будут изображать публику в ближних к Вашему Высочеству рядах, не давая, тем самым, любым террористам подойти к вам близко для метания снарядов.

– И кого же мы назначим руководить этими эшелонами?

Повисла гробовая тишина. Всем хотелось получать жалование, но никому не хотелось заниматься таким неблагодарным делом как практическая охрана.

– Тогда руководить панельной охраной мы назначаем капитана Сеньчукова, а избранными – полковника Оболенского, – сказал великий князь. – Духовное же руководство нашей лигой я полагаю вручить протоиерею Сретенской церкви в Полюстрово отцу Серафиму Свиноредскому.

Офицеры обернулись в направлении, куда указывал великокняжеский перст. Позади всех встал среднего роста священник с большим, в красных прожилках, носом. У него была редкая клочковатая бороденка, в семинарских кругах называвшаяся «скоктанье», надвинутая по самые брови наградная фиолетовая скуфейка на голове и позолоченный академический крест на груди.

Великий князь узнал об отце Серафиме в августе от своего двоюродного брата Николая. Тот вознамерился жениться на купчихе Бурениной, но Государь не дал на то позволения. В отчаянии Николай Николаевич обратился к Серафиму Свиноредскому и тот согласился тайно обвенчать их, но в последний момент жених все-таки струсил. Этот Свиноредский по своей растущей славе грозил стать в будущем конкурентом самому отцу Иоанну. В свете последних событий и возможных грядущих перемен Мария Павловна решила учить русский язык и основы православного вероучения, для чего был тайно приглашен отец Серафим, вот теперь уже скоро, как месяц ежедневно излагавший ей катехизис.

– Господа! – сказал священник, стукнув концом сукова-

той палки о паркет. — Не прошло и пяти лет, как вновь обступили нас бесы, вновь злоучиняют на августейшую жизнь и на саму династию, которой есмы последняя защита. Да благословит Господь благое наше намерение, дабы без препятствия ко славе Его свершится, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

И притопнул растоптанным, не знавшим ваксы, рыжим сапогом.

* * *

Почти четверть века сыскной полицией столицы заправлял Иван Дмитриевич Путилин. Превратившись на этой должности в живую легенду и ходячую развалину, три года назад Путилин подал в окончательную отставку и градоначальник Грессер на его место извлек из Главного управления почт и телеграфов делопроизводителя Вощинина, бывшего своего чиновника по особым поручениям во времена волынского губернаторства. В сыске тот ничего не смыслил, способностями не блистал, но зато был человеком услужливым и верным. Постепенно Вощинин пообтерся на новом месте, и у него даже стало что-то получаться. А в январской истории с нахождением раздетых трупов на чердаке казарм лейб-гвардии Конного полка он проявил себя недюжинным мастером по построению теорий.

Все было хорошо до тех пор, пока в конце апреля Грес-

сер не помер. Причина смерти была неудобосказуемой, но известной всему Петербургу: последнее время градоначальник несколько раз оконфузился у актрисы Никитиной и потому принимал у модного доктора Гачковского курс инъекций чудодейственного «витамина» для омоложения. Кончилось это для него заражением крови и гангреной. Теперь, без покровителя, карьера Вошинина висела на волоске. Теории Платон Сергеевич сочинять, конечно, научился, но в сыске по-прежнему понимал мало. И внезапный вызов в здание Департамента полиции у Цепного моста вызвал у Вошинина самые мрачные предчувствия.

Дурново сидел за столом красный и надутый, как напившийся комар, и мочил хоботок в рюмке с коньяком.

– Что с вами, ваше превосходительство? – спросил потрясенный увиденным Вошинин.

Никогда прежде он не видел директора Департамента в таком состоянии.

– Вдули мне сегодня, Платон Сергеевич, как последней девке. Не я ли до единого всех революционеров извел, что теперь даже жандармы плачутся, что оставил их без работы? Внезапно, не ждал-не гадал, и на тебе! Чего он вдруг рассви-репел? Разве и так непонятно, что все это чепуха, выдумки немецких газет! Кайзер, видите ли, ему сказал! Да кайзер сам в той же газете прочитал! А если заговор и есть, то не гвардейских мозгов это дело. Охраняйте императорские покои, господа! А уж свое дело мы в полиции знаем туго! Пра-

вильно, Платон Сергеевич?

– Ваша правда, ваше превосходительство, – поспешно согласился Воцинин, словно боялся, что если промедлит, то кровосос мигом уличит его в худом знании дела.

Однако Дурново только промокнул глаза надушенным платком и бросил быстрый взгляд в небольшое зеркальце, стоявшее на столе рядом с бронзовым чернильным прибором.

– Сегодня я имел разговор с Его Высочеством командующим гвардией, и касался он развившегося в последнее время порока мужеложства, – сказал директор департамента. – Можем мы Его Высочеству что-нибудь сообщить?

– Надо дела смотреть, – ответил Воцинин. – Знаю только, что содомским грехом подрабатывают кавалергарды, казаки атаманцы и уральцы, а также рядовые Конной гвардии.

– У них и сводни, конечно же, есть?

– Это самые деятельные лица в их организации.

– А какие-нибудь сборища большие у них бывают?

– Бывают у них, конечно, и вечера и балы, на которых они являются в сопровождении своих любовников, но в целом с притонами у них туго и обычно они ужинают либо в гостиницах, либо у «Палкина», где пользуются большим почетом, как выгодные гости. А что касается покровительства со стороны высокопоставленных лиц, то его они имеют свыше всякой пропорции.

– Странно как-то, – Дурново отставил рюмку. – У нас со-

домитов «тетками» зовут, а в Москве «буграми». Я был в Москве этим летом, так мне по секрету даже шутку тамошнюю сообщили: дескать, раньше Москва стояла на семи холмах, а теперь на одном бугре. Вы вот что, Платон Сергеевич, вы установите-ка наружное наблюдение за содомитскими притонами, где гвардейцы бывают. А то мне еще и за это впендюрят.

23 декабря 1892 года, среда

Луис Феррейра де Абреу попал в Петербург еще в 1888 году, когда его перевели из бразильской миссии в Перу секретарем в Петербург. Всего год он успел прослужить здесь до свержения императора дона Педро, и потом почти три года маялся в русской столице в ожидании решения своей судьбы. Наконец в конце весны Государь соизволил разрешить назначение в Петербург к императорскому двору чрезвычайного посланника и полномочного министра Бразильской республики. Фортуна снова, благодаря хлопотам двух племянников Феррейры, пристроившихся при новой власти, повернулась к нему лицом. Он получил назначение поверенным в делах и жалование за полгода вперед. Пока министр иностранных дел размышлял, кого назначить послом да тот собирался в дорогу, Феррейра имел время вознаградить себя за все те лишения, которые претерпел в течении стольких лет скудости и ограничений. Он присмотрел для миссии квартиру на набережной Мойки, но до приезда посланника решил жить в шикарной квартире на Конюшенной, оправдывая это близостью к консульству и министерскому зданию у Певческого моста.

Сюда, к большому пятиэтажному дому Вебера, и прибыли утром на извозчике Фаберовский с Артемием Ивановичем. Вызвав старшего дворника, представившегося Саввой

Ерофеичем, они предъявили ему открытый лист и напомнили о существовании Сибири, после чего тот подобострастно провел их к себе в дворницкую, чтобы поговорить там без посторонних ушей.

Дворницкая располагалась в подвале во дворе рядом с дровяным сараем и была весьма скромных размеров для проживавших в ней двух младших дворников и их начальника с женою. Справа и слева от входа стояли два деревянных топчана, служивших постелями для молодых дворников, тут же ютился небольшой стол и два стула, а далее от печки до стены помещение перегораживала холщовая занавеска, за которой находилось владение Саввы Ерофеича и его супруги.

– Проходите, господа хорошие, садитесь. Сейчас свет будет.

Старший дворник запалил сальную свечу, стоявшую в разбитом стакане на столе, и стала видна убогая обстановка его жилища: жесткое деревянное ложе, застланное грязным лоскутным одеялом, крашеный стол, глиняный умывальник над ушатом у печки, да киот с иконками в красном углу.

– Баба моя с рынка еще не вернулась, а ребята дровишки по квартирам разносят, так что никто нас и не услышит тут. Лист-то я такой уже видал, так что знаю, что к чему.

– Чего вдруг видал? – спросил Артемий Иванович ревниво.

– А вы заметили нищенку во дворе, у выгребной ямы?

Недели три назад она явилась сюда и предъявила точно такой же лист. Очень она зачем-то бразильским послом интересовалась, да в помойке выброшенные бумаги искала. А если кто посторонний шел, для маскировки всякую дрянь из этой выгребной ямы жрала, потому ее на второй день в холерные бараки с горячкой отвезли. Через неделю, в аккурат, когда домовладелец наш, Федор Кондратьевич Вебер преставился, ее выпустили, она сюда вернулась, да только в бараках умом тронулась. Что ей за бразильцем следить надо – помнит, а кто сама такая – нет. И лист свой где-то в бараках потеряла. Так и живет здесь, при яме. Наследники-то Федора Кондратьевича недовольны, что нищенка во дворе отирается, но куда ее после такого листа выгонишь?!

– Так значит, бразильцы тут у вас в доме и живут? – спросил поляк.

– Живут, – подтвердил дворник. – Консульство ихнее на втором этаже в подъезде у арки. Консулом состоит немец, господин Герике, а сам господин посол живет в квартире на третьем этаже.

– Нам тоже поручено за ними следить. А кто еще живет по этой лестнице?

– Квартиру на четвертом этаже нанимает их превосходительство господин Кобелевский.

– Это что еще за фрукт? – спросил Артемий Иванович.

– Их превосходительство академиком по ученой части состоит, червяков в микроскоп свидетельствует.

– Кроме курьеров с дипломатической почтой посыльные с корреспонденцией у бразильцев бывают?

– Посыльные ходят, но это, одначе, надо к швейцару. Да только к нашему швейцару вам ни к чему, тотчас к хозяевам побежит.

– А к этому академику посыльные ходят?

– Ни разу не видал.

– Это облегчает дело. А возможно ли знать, к кому идет посыльный, чтобы швейцара не беспокоить?

– Да уж и не знаю как! Разве что с лестницы подслушивать.

– А много ли народу к бразильцам ходят?

– Да в миссию чтобы ходили – ни разу не видал, на бразильцов, кажись, в Питере не богато, а вот к послу пару раз офицер гвардейский зааживал.

– Много ли прислуги у посла?

– У него есть камердинер, тоже басурманин, который и по-русски говорить не может, а также переводчик при миссии и консульстве, именем Игнатий Педрович Лабурда. Говорит, что сам он из наших, из русских, курьером прибыл из Бразилии с письмом о назначении посла, да так и остался толмачом.

– И оба живут при посланнике?

Дворник ответил утвердительно.

– А еще кто-нибудь имеет доступ в квартиру посланника?

– Только из флигеля немка ходит прибирать, Марта Гун-

хен, два раза в месяц полотеры ходят, раз в неделю часовщик – заводить часы, да трубочист из артели Шольце.

– И не подберешься к нему... – покачал головой Артемий Иванович.

– Тут надо как-то на лестнице самой устроиться, чтобы слышать было, если кто поднимется. А от квартиры академичка можно и разговор с посыльным услыхать, надо ли ему ответ ждать или можно идти.

– А ты соображаешь! – сказал поляк.

– Только там у их превосходительства полкан-с на площадке.

– Какой еще полкан?

– Он пса там, в конуре держит, пиявок ему для опытов ставит. Академику покойничек Федор Кондратьевич разрешил, я за полтинничек дерьмо за этим полканом убираю.

– Ну, пойдем, посмотрим на твоего полкана.

Савва Ерофеич провел их через парадное крыльцо. Света внизу не было. В огромном лестничном камине ярко пылало здоровенное полено, при свете которого дородный немец-швейцар читал отпечатанную готическим шрифтом брошюрку «Как самому ввинтить электрическую лампу или проложить провод с безопасностью для своего здоровья».

– Ты бы, Густав Карлович, сказал управляющему, чтобы электротехнического мастера вызвал. А то неловко перед жильцами: третий день света при входе нету.

– Я ходил, – ответил швейцар. – Говорит, денег в конторе

нет. Вот, дал лампу, – швейцар показал на картонную коробку, лежавшую на полу. – «Ввинти, говорит, сам».

– Ну так возьми стремянку да ввинти.

– Я и читаю, как это делается, – с достоинством сказал немец.

– Ну, читай, читай, – покачал головой дворник. – Видать, вечером лестницу мести буду, опять тут у тебя коленку зашибу.

Выше первого этажа свет, к счастью, был. Площадки были отгорожены от лестницы прозрачной стеной с дверью – на третьем этаже из толстого бемского стекла, а на втором и на четвертом – из обычного зеленоватого оконного. У квартиры бразильского посланника стояли шикарные пальмы и драцены в кадках, а в других этажах топорщилась за стеклом плебейская аспидистра в горшках. На последних двух лестничных маршах изменился и ковер – ступени были покрыты зашарканными кусками, отлежавшими свой срок внизу. На верхней площадке между двумя аспидистрами в деревянных ящиках действительно стояла настоящая дощатая конура, а перед ней пустая глиняная миска. Из конуры показался собачий нос и приняхался.

Открыв стеклянную дверь, Артемий Иванович вошел, наклонился к носу и дотронулся до него грязным пальцем.

– Влажный, значит – здоровый. А я хотел ему хлебушка дать. Теперь не дам.

– Строг, но справедлив, – отметил поляк.

– И правильно, – согласился дворник, запихивая валенком нос обратно в конуру. – И так уж гадить горазд.

Внезапно, без звука поворачиваемого ключа или грохота крюка, распахнулась квартирная дверь, и на площадку выскочил невысокий человек с большой головой и огромной русской бородой.

– Что вы тут делаете?! – взвизгнул он.

– Пса инспектируем, – с угрозой ответил поляк.

– По какому праву?! Мне разрешено домовладельцем!

– Мы из Санитарной комиссии, – поляк сунул под нос академику пропахшую карболкой бумагу, свидетельствовавшую о занятиях ее владельца дезинфекторством. – Нам домовладельцы – не указ.

– Собаку на живодерню, а вас сейчас в дезинфекторскую при части, – сказал Артемий Иванович. – А квартиру окурить серой. Немедленно.

– Что??

– Собака пана академика, – вмешался поляк, – является носителем холерных вибрионов, и как таковая подлежит уничтожению. Самого пана академика также надлежит подвергнуть карантину при части, о чем и говорил мой помощник.

– Невежество! Да что вы понимаете в бактериологии!

– А нам и не надобно понимать, – заявил Артемий Иванович. – Ну что, оформлять все акты? Дворник, сходи за понятыми.

– Какое вопиющее безобразие! Я буду жаловаться! Как ваша фамилия?

– Вот, – поляк подал академику открытый лист. – Удовлетворен ли пан Кобелевский?

– Более чем, – предательская дрожь в голосе академика выдала его испуг с головой.

– Приятно иметь дело с образованными людьми, – сказал Фаберовский, не сдержав ухмылки, а Артемий Иванович топнул ножкой и приказал:

– Несите сюда два стула да ломберный столик и убирайтесь. В ближайшие две недели на улицу выходить только через черную лестницу!

Дверь захлопнулась, щелкнул замок, грохнул накидываемый крюк, захлопнулась вторая дверь, и все стихло, только явившаяся в мгновение ока мебель неприкаянно стояла рядом с конурой.

– Хорошее местечко для наблюдения, – подвел итог поляк, усаживаясь на один из стульев. – Если посыльный будет задержан для получения ответа, мы успеем спуститься вниз и перехватить его у подъезда, чтобы уже вести дальше. А ты, Савва Ерофеич, будешь нам самовар приносить.

– Эх, и заживем генералами! – сказал Артемий Иванович, доставая папироску из портсигара.

Закурить он не успел – внизу раздался услужливый бас швейцара, звякнули шпоры и кто-то стал подниматься по лестнице.

– Тс-с-с! – сказал поляк.

Дворник проворно спрятался за собачью будку. Пес в будке глухо заворчал.

– Уж не к профессору ли? – шепотом спросил Артемий Иванович.

– Не думаю, – так же шепотом ответил Фаберовский. – Офицер какой-то, судя по звону шпор.

Офицер поднялся до третьего этажа и позвонил в дверь поверенного в делах. Оба агента застыли, превратившись в четыре всеслышащих уха.

– Ах, это вы, капитан! – сказал человек, открывший дверь. – Министр не принимает сегодня.

– Скажите послу, что я привез письмо с согласием, которого он так дожидается.

– Ждите меня здесь.

Человек, открывавший дверь, ушел докладывать, и некоторое время Артемий Иванович и поляк слышали только шаги офицера по каменному полу и позвякивание его шпор. Наконец, капитана пригласили войти и дверь за ним закрылась.

– Наверное, переводчик открывал, – сказал на ухо поляку Артемий Иванович.

– Хотел бы я знать, что это за капитан, – прошептал тот. – Уж не он ли бразильцу корреспонденцию носит, о которой говорил Дурново? Надо бы за ним проследить.

– Подождем, пока выйдет. Может, он час у бразильца про-

сидит. А если сядет на извозчика, то мы можем лихача у «Медведя» взять, он тогда от нас никуда не уйдет.

Дворник вылез из-за будки и, пообещав вернуться через час, отправился вниз, чтобы принести швейцару стремянку. Однако капитан пробыл у посла не больше получаса. В замке повернулся ключ, капитан вышел на лестницу и степенно пошел вниз.

– Как только он спустится до швейцара – бросаемся за ним! – шепнул поляк.

Внезапно дверь бразильца опять открылась и из нее выскочил переводчик.

– Сеньор капитан, подождите! Министр забыл передать вам письмо. Оно без адреса, но министр сказал, что вы знаете, кому оно предназначено.

Офицер вернулся, взял письмо, сунул его за борт шинели и продолжил свой путь. Поляк и Артемий Иванович напряженно вслушивались в удаляющиеся шаги капитана, и едва до них донеслось швейцарское: «Осторожно, я тут наверху вкручиваю лампу», кинулись в погоню. Сделав два прыжка по ступеням, Артемий Иванович понял, что так он далеко не убежит, оседлал перила и с залихватским посвистом унесся вниз. Фаберовский не решился последовать его примеру.

Не сумев вовремя остановиться, Артемий Иванович вышиб ногами из-под швейцара тяжелую деревянную стремянку. Швейцар ухватился за провод и закачался под высоким потолком в темноте. Услышав шум, капитан, уже дошедший

до дверей, обернулся и тут же был смят рухнувшей стремянкой. Артемий Иванович бросился к нему на помощь, но получил от барахтавшегося капитана оплеуху.

– Убили! Убили! – завыл Артемий Иванович, вертясь на одной ноге и прижимая шапку к ушибленному уху. – Заместо благодарности убили!

Капитан выбрался из-под стремянки и, оправляя на себе шинель и шашку, вышел на улицу.

– Сейчас я с тобой разделаюсь по-свойски, – рассвирепел Артемий Иванович и выхватил из камина здоровую медную кочергу. Спустившийся Фаберовский едва успел остановить его в дверях.

– Отдай кочергу! Мы же должны за ним следить, а не кочергой махать! Это письмо чье валяется?

– Мне почем знать? – огрызнулся Артемий Иванович, в сердцах бросая кочергу на пол. – Может, из капитана выпало.

– На вот, схорони его, – Фаберовский поднял узкий белый конверт. – Иди наверх и продолжай наблюдение. А я за капитаном пойду, меня он еще не видел.

Поляк поспешил на улицу, а Артемий Иванович, раздосадовано шмыгая носом и потирая ухо, направился к лестнице. И тут прямо перед ним сверху упал швейцар.

* * *

«Чертовщина какая-то», – подумал Фаберовский, когда,

нагнав капитана в Шведском переулке, узнал в нем того самого гвардейского адъютанта, который привозил для Дурново письмо от великого князя Владимира. Неприятное предчувствие, что добром эти святки не кончатся, овладело им. Тем временем офицер вышел на Малую Конюшенную, миновал шведскую церковь и, придерживая шашку, зашагал по Невскому в сторону Николаевского вокзала. Дойдя до Пассажа, капитан осмотрелся по сторонам и по широкой лестнице направился в вестибюль.

После шелестящего скрипа полозьев по снегу, молчаливого пыхания замерзших прохожих, да редкого ржания лошадей на улице, изнутри «Пассаж» казался гигантским разворошенным ульем. За зеркальными дверями вестибюля на первом этаже и по галереям бессмысленно суетились, кричали и толкались толпы разодетых дам, их мужей и любовников, купцов и офицеров, стократно отражаясь в огромных стеклянных стенах лавок и зеркалах в бронзовых рамах. Приказчики носили за ними кипы перевязанных лентами коробок и пакетов, сновали юркие карманники, а под стеклянной крышей, тщательно разметенной от снега, отчаянно щебетали птицы, вывешенные за окна в клетках жестокосердными хозяевами из квартир в третьем этаже.

Капитан уверенно направился по лестнице на левую галерею второго этажа. У помещения торгового дома корсетов «Виктор», у рекламного щита, прославлявшего корсеты «Грация», он подошел к красивой черноволосой женщине,

и они вдвоем вышли на чугунный мостик, перекинутый над главным залом.

— Что, хороша жидовочка? — спросил у засмотревшегося на молодую особу Фаберовского солидный, с напыженными седыми бакенбардами господин в золотом пенсне. — Таковую бы в кабинет...

Поляк брезгливо передернул плечами и отошел от господина подальше, обосновавшись на шедшем вдоль галереи балконе, где встал, облокотившись на перила и делая вид, что заинтересованно глядит вниз, на водоворот меховых шапок и капоров.

— Нет, положительно мне нравится эта дамочка! — опять подошел к Фаберовскому господин в бакенбардах и пенсне. — Я-то за ней уж, наверное, с час слежу, а вас вот не видал... Я одну такую поймел как-то раз в каюте на пароходе, когда ездил с паломниками на Валаам. Думал, она визжать будет, но она оказалась неглупа, весьма не глупа, я бы даже сказал — с понятием. Ведь я ей потом хорошие деньги заплатил. А вы, значит, тоже на жидовочку глаз положили? Это правильно. Офицер ей любовником не приходится, это сразу видно, и даже видов на нее не держит... Послушайте, сударь, вы молодой и шансов у вас, конечно, больше, чем у меня, но я отказываться не привык. Может, мы с вами сговоримся как-нибудь? Да вы лучше не смотрите на нее так жадно сейчас, пусть сперва господин офицер отбудет. Мы можем как-то по очереди, или я вам заплачу, а?

– Пойдите от меня прочь! – зашипел бакенбардам Фаберовский. – Иначе я позову городского!

– Да вы, молодой человек, глупы. Я бы сказал, что вы, молодой человек, просто дурак. Меня каждая собака знает, а вы кто? Тьфу, да туфлей растереть!

Полный животной злобы взгляд поляка заставил господина в бакенбардах умолкнуть и пройти по балкону дальше за мостик. Здесь он остановился, продолжая через пенсне поедать молодую женщину плотоядным взором. Зато Фаберовский смог, наконец, расслышать, о чем же говорят на мостике.

– Так что, Ольга, конспирация и еще раз конспирация, – говорил своей собеседнице офицер. – Внимательно следи за теми, кто тебя окружает, и хорошенько думай, прежде чем что-либо предпринять. Никаких писем через почту, все только через меня! Положение наше очень опасное, сегодня я в этом убедился. Ну, и в-третьих, запомни: все решено окончательно, ни у меня, ни у тебя уже обратной дороги нет. На третий день Рождества вечером, как мы договаривались, ты должна подъехать на Шпалерную, к дому французского консульства, там я тебя встречу и расскажу все остальное, а то здесь слишком много лишних ушей! Все, я пошел, мне в Штаб пора.

Капитан покинул мостик и быстро исчез в толпе на галерее, а молодая особа неспешно вышла на балкон и поплыла вдоль ярких блестящих витрин. Фаберовский тронулся за

ней следом.

— Послушайте, сударь, отступитесь от этой дамочки, а? — зашептал ему сзади господин в пенсне. — Я за нее вам двадцать рублей дам.

Поляк обернулся и сунул престарелому сластолюбцу под нос кукиш. Сделано это было столь решительно и недвусмысленно, что господин счел за благо оставить предмет похотливых вожделений и своего соперника в покое. Тем временем дама доплыла до ювелирного магазина и исчезла за дверями. Фаберовский выждал немного и тоже вошел за ней следом.

— Покажи мне эту брошь, любезный.

Это была обычная позолоченная дешевка со стекляшками вместо бриллиантов. Приказчик вынес даме коробочку, и та, взяв из нее брошку и приложив к груди, несколько минут вертелась перед огромным зеркалом, поворачиваясь к нему то одним, то другим боком, и морщась недовольно, что стекляшки не блестят так, как это делают бриллианты.

— Я беру ее. Пришлите мне счет как всегда.

— Позвольте, сударыня, — возразил приказчик. — Вы не оплатили еще прежний счет! За вами триста рублей записано, извольте, я покажу вам в книге! И вы должны выплатить их к первому января.

— Ах, ну подумаешь, заплачу я вам сразу триста двадцать рублей!

— Нет, сударыня, вещица-то копеечная, надо бы сразу.

– Да я, как назло, не взяла с собою денег. Завтра заеду и заплачу.

– С превеликим удовольствием... Вещицу вам отложим-с. Дамочка прикусила губу. Было видно, что она невероятно разозлилась, и что ей ужасно хочется купить эту брошку.

– Позвольте, пани, преподнести вам эту маленькую безделушку в качестве подарка, – поляк протиснулся к прилавку.

– Но почему?! – возмущенно обернулась к нему дама. – За кого вы меня принимаете? Я замужняя женщина!

И дама надменно продемонстрировала ему руку с обручальным кольцом на пальце. Фаберовский почтительно приложился к протянутой руке и сказал с плохо скрываемой ухмылкой:

– Я заметил слезинку в прекрасных очах ясновельможной пани!

– Смотри за этим жеребчиком повнимательнее, – шепнул приказчику хозяин магазина, стоявший тут же за прилавком. – Уж не пожаловал ли к нам очередной варшавский гастролер...

Однако поляк расплатился самими, что ни на есть настоящими десятирублевками и, галантно вручив коробочку даме, покинул магазин.

– Постойте, – окликнула его дама, тоже выходя на галерею. – Вы поставили меня в неудобное положение, ведь я ничем не могу отблагодарить вас сейчас. Но если бы вы проводили меня до дома...

– А где вы живете? – спросил Фаберовский.

– На Дмитровском, недалеко от Владимирского собора.

– Добже, я с радостью подвезу пани, – с готовностью согласился поляк.

Уж как ему было жаль потраченных двадцати рублей!

В извозчичьих санях они познакомились. Даму звали Ольга Иосифовна, она была уроженкой Одессы и приехала в столицу всего четыре года назад, когда муж получил перевод сюда по службе. Она пожаловалась своему попутчику, что очень страдает здесь без солнца и моря, а поляк в свою очередь, решив тряхнуть стариной, назвался старым агентурным именем графа Леливы де Спальского и рассказал, что очень тоскует по своему дому в Лондоне.

– Так вы из Лондона?! – воскликнула Ольга Иосифовна. – У нас в Одессе тоже есть «Лондонская гостиница».

– Когда-то я там жил.

– Как я люблю иностранцев! – Дама повернулась вполоборота к Фаберовскому и прижалась под полостью ногою к его колену.

Извозчик повернул на Владимирский и затем на Стремянную. Увидев «Саратов» на углу с Дмитровским, дама вдруг переменялась в лице и крикнула:

– Стой здесь!

– Что случилось? – спросил поляк.

– Вы знаете, граф, я, наверное, не смогу вас принять, – в замешательстве сказала Ольга Иосифовна. – Я подумала, что

муж неправильно меня поймет. Давайте встретимся с вами где-нибудь завтра во второй половине дня, я отдам вам деньги и мы будем в расчете. Завтра в три часа я буду в «Пассаже», мне еще нужно купить эгретку для шляпки. Вы не могли бы тоже прийти туда к этому времени?

– Добже, пани, я буду ждать у ювелирного магазина, где мы сегодня зазнакомились.

Фаберовский помог даме сойти с извозчика, и она скрылась за углом, повернув на Дмитровский. Заплатив извозчику, поляк быстро добежал до угла и успел заметить, как она скрылась в подъезде второго от угла дома. Выждав минут пять, он неспешно дошел до этого подъезда и обратился к дворнику, снисходительно подавая ему полтинник.

– Поведай мне, любезный – ты тут все ведаешь, – что за пани только что приехала до сюда?

– Возьмите ваши денежки обратно да катитесь подобру-поздорову! – замахнулся вдруг на него дворник.

– Ты что же, братец, денег не забираешь?! – отскочил в сторону поляк.

– Иди, иди, мазурик, пока в часть не отправил!

– А вот это тебе как выкажется?! – Фаберовский выхватил свой лист из-за пазухи и сунул дворнику.

Тот долго разбирал буквы на листе, жуя обледеневшую бороду, потом крякнул и озадаченно взглянул на поляка:

– Вишь, какая линия тут выходит... Что за пельмень с лапоть! Ты постой-ка тут, сударь, а я о вас посоветуюсь.

Дворник ушел, а вместо него вышел старший дворник и сказал сурово:

– Ничего не знаем-с, сударь. Не положено. Ступайте своей дорожкой.

Такая реакция на его открытый лист была для Фаберовского неожиданной и странной. Что означало это пренебрежение к приказу директора Департамента полиции со стороны дворников, когда те должны были повиноваться одному его слову? Прекращение каким-либо особым распоряжением действия открытого листа? Или муж Ольги Иосифовны столь влиятельное лицо, что для него ничего не стоит замять дело с игнорированием приказа высшего в империи полицейского чина?

В полном смятении чувств он подошел к ближайшему городовому, предъявил лист и велел:

– Скачи на одной ножке до Владимирского и кукарекай!

Однако когда растерявшийся городской – пожилой уса-тый мужчина – поднял одну ногу и набрал полную грудь воздуха, готовясь закукарекать, Фаберовский поспешно остановил его. Он положительно переставал понимать происходящее вокруг!

24 декабря 1892 года, четверг

– Самовар будете? – В дверь осторожно постучали.

– Будем!

Артемий Иванович высунул нос из-под одеяла.

– Смотри, Степан, у нас снег на подоконнике растаял.

Жизнь-то налаживается!

Он откинул одеяло и сунул в валенки обутые в новые шерстяные пополам с бумагою носки, купленные вчера за 30 копеек. Открыв ключом дверь, он впустил коридорного с медным грушевидным самоварчиком.

– Никак хозяйка топить велела? – ехидно спросил Артемий Иванович.

– Управляющий распорядился с самого утра у вас протопить, – почтительно отвечал коридорный, ставя самовар на дощатый стол. – Сахар, калач, лимон? Все от хозяйки.

– Передай пани Пфлюгер наш поклон, – сказал Фаберовский. – И чашки не забудь, у нас все перебиты.

– Хорошо быть на службе! – Артемий Иванович снял сушившиеся на спинке кровати портянки. – Вот, теперь и подвертки тебе могу вернуть. Хочешь – обратно кашне сшей, хочешь – князю татарскому продай.

– Сшей себе, пан Артемий, орденскую кавалерию из нее. Будешь через плечо носить.

– Сам ты дурак! – обиделся Артемий Иванович. – Все се-

годня про тебя его превосходительству расскажу!

Комната на Мещанской, которую они снимали в доме на углу с Демидовом переулком у моста через Канаву, находилась на последнем этаже и была такой крохотной, что в ней помещались только две железные кровати, старый стол и два колченогих стула. Уже месяц, с тех пор как закончилась холера и вместе с нею их дезинфекторская деятельность, управляющий отказывал им в чае и дровах, и появление на столе в непривычно теплой комнате начищенного самовара означало конец черной полосы в их жизни. Самовар плевался кипятком, ронял угольки на поднос и всячески выражал бурную радость по поводу этого события.

– А шоколадка от хозяйки нам положена? – спросил Артемий Иванович у коридорного, принесшего чашки с сахаром и заварной чайник.

– Вот, конфект только прислали.

– Что?! – грозно подбоченился Артемий Иванович. – Чтоб сей же час была большая коробка!

– Смилуйтесь, господа, управляющий с меня вычтет.

– Ладно, ступай, – смягчился Владимиров. – Ради праздничка простим-с. А ты что, Степан, возлежишь? Нам к его превосходительству пора уже, письмо показывать. А то, как они сейчас по магазинам пустятся, так раньше чем через два дня не поймаете.

Сенная площадь, где они собирались сесть на извозчика, постепенно пустела. Сегодня уже не было армии кухарок,

закупавших провизию вперед на все святки, только хозяева и хозяйки остервенело и неумело торговались в огромных полупустых павильонах рынка, да приказчики возили на тележках нераспроданную мороженую птицу. Кое-где уже можно было видеть чиновников, которые начинали сбегать раньше времени со службы и, воровато оглядываясь, несли ободранные елки. Со стороны Невского с грохотом подъехала конка, на империале рос целый лес таких же еловых хлыстов, скудно украшенных снизу ветками. У вагона, шедшего навстречу, толкалась и пихалась толпа, пытаясь попасть внутрь.

– С елками – на империал! – осипшим голосом кричал кондуктор. – С елками – на империал! Вот вам же говорю! Тьфу ты, зараза! Развелось стриженных, от мужеского полу не отличишь! Вам-то как раз наверх нельзя! Откуда мне знать, куда вам елку девать!

Тут же какой-то остряк посоветовал барышне, куда ей деть елку. Стриженная за словом в карман не полезла. Завязалась перепалка, едва не закончившаяся потасовкой. На помощь барышне явился Артемий Иванович, отвесив едва державшемуся на ногах шутнику увесистую затрещину, и предложив барышне свои услуги по провозу елки на империале. Они с поляком галантно подсадили курсистку на ступеньку вагона и даже протолкнули внутрь, немилосердно пихая ее в зад. Им удалось вдавить еще двух мужчин, прежде чем кондуктор зазвонил в колокольчик, и конка тронулась с места.

– Не люблю стриженных, – сказал Артемий Иванович, проводив взглядом расплющенное о стекло ошарашенное лицо барышни, и воткнул елку в снег рядом с сидевшим в сугробе шутником. – Эй, извозчик!

Дурново не ждал сегодня никаких гостей, поэтому камердинер сперва даже отказывался докладывать о приезде Фабровского и Артемия Ивановича. Им пришлось дать камердинеру 30 копеек, и только тогда они были призваны к его превосходительству.

– Что это вы мне даете? – недовольно спросил Дурново, когда поляк вручил ему запечатанное письмо. – Что там внутри?

– Не можем знать! – гаркнул Артемий Иванович. – Не велено же было смотреть.

– Это правильно, – сказал Дурново и разрезал ножом конверт.

Такой крик Артемий Иванович последний раз слышал в зоосаде Гебгардтов, когда льву ставили клистир.

– Степан, проси у него еще денег! – шепнул он поляку. – Точно даст!

Дурново выскочил из-за стола и в волнении забегал по кабинету.

– Как вам это удалось? – наконец сказал он. – У меня другие агенты три недели в деле, и никаких результатов. Одна агентша так просто исчезла бесследно... Где вы взяли это письмо?

– У всех есть свои профессиональные... – начал было Артемий Иванович.

– Молчать! – заорал Дурново и забегал опять.

Фаберовский в нескольких словах рассказал директору Департамента о гвардейском капитане, умолчав о том, что капитан был тем самым адъютантом, который приходил к директору с приглашением от великого князя, и мимоходом упомянул о дамочке, с которой познакомился в Пассаже, и о странном доме на Дмитровском, где та жила.

– Вы должны сосредоточить свое наблюдение за капитаном и за бразильцем, потому что в письме прямо указывается, что бразилец подозревает, что его письма перехватывают, и будет вести всю корреспонденцию через этого капитана. Вот что: за домом на Дмитровском я распоряжусь установить наружное наблюдение. А к дамочке приставлю на всякий случай отдельного агента. Хотя она нам совершенно не интересна. Да-с, господин Фаберовский, она нас действительно не интересует...

– А нас интересует, – насупившись, сказал Артемий Иванович. – Потому как мы подозреваем за нею нигилистический заговор и злоумышления на жизнь Государя.

Дурново засучил рукавами и даже подпрыгнул, чтобы взглянуть в глаза не в меру ретивому агенту.

– Нет никакого заговора!

– Нету, – согласился Артемий Иванович. – И денег тоже у нас нету.

– Для слежки за капитаном надо еще рублей двести накинуть, – присоединился Фаберовский.

– Заговора нет, – подтвердил Дурново. – Но дело того стоит. Я добавлю вам еще двести рублей.

– Нам придется посещать места, где может бывать капитан. Меня не пустят ни в один приличный ресторан в том, что сейчас на мне надето. И на конках они не ездят.

– Хорошо, купите себе приличное платье и внесите его в расходную ведомость. Пожалуй, я дам вам на время еще кое-что...

Директор Департамента подвигал тяжелой челюстью и дернул сонетку звонка.

– Вот что, Парамон, – сказал Дурново явившемуся камердинеру. – Принеси-ка сюда мою старую шубу, которую я нашивал, еще когда судебным отделением заправлял.

– Так, ваше превосходительство... – Камердинер с ненавистью посмотрел на двух свалившихся на его голову мазуриков, – ее о прошлом годе мошь всю поела-с...

– Целиком?

– Да-с...

– А я-то думал, чего это присяжный поверенный Промежевич шубу какую-то знакомую носит... Продал, значит? Ну-ну. А ту шубу, которую я вице-директором носил?

– Так ведь эта, ваше превосходительство... – камердинер взмок. – Тут такое дело...

– Ох, Парамон, плачут по тебе песцы с соболями в своих

краях... Куда проходное свидетельство писать?

– Помилуйте, ваше превосходительство! Мы просто подумали-с, что шуба-то маловата этому господину будет.

Парамон перевел дух.

– Он еще у нас рупь требовал, чтобы к вам допустить, – съябедничал Артемий Иванович.

– Отдай им два. Что?! Перечить?! Ворюга! Этих ко мне в любое время впускать без всяких разговоров! А шуба-то моя ему и вправду маловата будет, – сказал Дурново, встав перед Фаберовским и задрав голову. – Что же делать?

– Так давайте я к графу Келлеру поднимусь, – сказал елеиным голосом Парамон и промокнул платком напомаженную плешь. – Я его камердинера хорошо знаю. Граф пять лет назад, когда скандал с князем Мещерским у него вышел, в отставку собирался подавать и шубу себе сшил. Однако не пригодилась.

– И шапку там какую-нибудь поплотше прихвати. А потом сходи в ломбард, куда ты шубы мои закладываешь, да выкупи там орден... м-м-м... Владимира 3 степени, пожалуй. Не знаю, на какие! Оставь чего-нибудь в залог. Вернешь орден закладчику, как дело закончится.

* * *

– Виноват-с, не признал в вас с первого раза важного чина, – заюлил Савва Ерофеич, старший дворник в доме Вебе-

ра, увидев Фаберовского в шубе и с орденом на шее. – Думал, вы простой агент. А у нас в доме под Рождество чертовщина какая-то стала твориться. Вот как Федор Кондратьевич представился – так и началась.

Он увлек приехавших от Дурново поляка и Артемия Ивановича к себе в дворницкую. Спавший на одном из топчанов парень в дворничьем фартуке был разбужен и выставлен на улицу.

– Сначала нищенка умом тронулась, – доверительно сообщил гостям Савва Ерофеич, – а вчера швейцар наш рехнулся! А уж какой рассудительный человек был! Я ему только стремянку принес, поставил да к себе в дворницкую пошел, как вдруг вбегает он ко мне, нос разбит, руками машет и кричит, что из-под него черт лестницу выбил! Пять минут он за провод под потолком хватался, пока руки не ослабли. Упал, а черт тут как тут: стоит рядом в темноте и хохочет дьявольски. И ведь трезвых привычек был Густав Карлович. Так вот же – свезли на Пряжку. Теперича без швейцара пока. Баба моя уж и лампадку запалила.

Дворник кивнул на тусклый огонек лампадки в углу, смутно освещавший иконы да горшок с сочивом и кувшин со взваром, стоявший на клоке сена под ними. – И лампы управляющий больше не дает. Думаю: не позвать ли попа конуру мою окурить да святой водою окропить. Надо бы до водосвятия потерпеть, чтобы свеженькой, прям из иордани. Недолго уж осталось – так оно вернее будет. А нищенка го-

ворит, что это бразилец порчу навел.

– Правильно она говорит, это он все! – вмешалась дворничиха. – Как раз о тот час, когда на швейцара черт напал, я в окно видела, как басурманин у себя с какой-то бумагой плясал и на свече ее потом жег. Петровна аж со шкафа упала, когда это увидела, да руку сломала.

– Откуда это ты, баба-дура, ему в окна глядела? – набычился дворник.

– Так у Авдотьи Петровны со шкафа как хорошо видать!

– Что за Авдотья Петровна? – спросил поляк.

– Так то знакомица моя, штаб-офицерская дочь. Она в доме на той стороне улицы живет. Только она сейчас прийти не может, у ней рука в лубке, – сказала дворничиха.

– Тогда я сам до нее схожу, – сказал Фаберовский.

– И я, – сказал Савва Ерофеич.

– Это еще зачем? – насторожился поляк.

– Вторую руку обломаю. Как ночь, так жены не найдешь. А они у Петровны, оказывается, со шкафу наблюдают. Астрономы! Им только телескопов не хватает!

Авдотья Петровна Петушкова была незамужней сестрой пожилого чиновника из Конюшенного ведомства, жившего на чердачном этаже дома финской церкви на углу со Шведским переулком. Самого брата на месте не оказалось – он отмечал с сослуживцами пятилетие приказа о начале военно-конской переписи.

– И откуда ж пани Авдотья обсервует квартиру пана

посла? – спросил Фаберовский, оглядывая убогую комнатенку со столом, двумя старыми венскими стульями, железной кроватью без матраца и шкафом.

– Вот отсюда, – сказала дворничиха, оглядываясь на хозяйку комнаты.

Шкаф, служивший Петровне наблюдательным пунктом, занимал треть всего пространства комнаты, и был примерно полтора человеческих роста высотой. К нему была приставлена стремянка, по которой поляк не преминул забраться. Дубовый резной карниз образовывал с верхом шкафа ящик высотой вершков в пять, и в этот ящик был уложен матрац с подушкой – Петровна проводила здесь все свободное время, из которого состояла ее жизнь.

Окна бразильца были действительно отменно видны, хотя то, что происходит в квартире посла, все равно можно было разглядеть только с наступлением темноты, когда там зажигали свет. К тому же Конюшенная была достаточно широка, и поляку с его близорукостью вообще ничего толком было не рассмотреть.

– Добже, – сказал Фаберовский, слезая со шкафа. – Не желает ли пани Авдотья пойти на государственную службу наблюдательным агентом?

– Желаю! – с жаром выдохнула Авдотья, почуяв в этом предложении необъятные перспективы, открывающиеся для всех сторон ее жизни. – А жалование какое положите?

– Царское. 10 копеек в день. И еще подзорную трубу вы-

дадим казенную. Ты писать умеешь? Тогда будешь мне отчеты каждый день на письме составлять.

От счастья у Петровны перехватило дыхание. Сколько бессонных ночей она бесплатно подглядывала за послом в кулак, а тут подзорную трубу дадут и жалование за это положат!

– А пенсию за сломанную руку дадут? – затаив дыхание спросила она. – Это ж я все сегодня про посла видела, а дворничиха внизу на стуле сидела!

– Будет пани Авдотье эмеритура, – авторитетно заявил Фаберовский. – Задним числом оформим.

* * *

После непродолжительных препирательств Артемий Иванович был отправлен на пост у квартиры Кобелевского, а Фаберовский отправился в «Пассаж». Он прибыл туда за полчаса до намеченного времени – чтобы, оставаясь незамеченным, вычислить приставленного к даме по приказу Дурново агента. Поляк хотел подняться на галерею справа, чтобы оттуда наблюдать за местом их будущей встречи, однако, к своему изумлению, он наткнулся на Ольгу Иосифовну уже при входе. Она стояла у шляпного магазина и заворожено смотрела на витрину. Фаберовский попытался податься назад, но напиравшие сзади люди не дали ему это быстро сделать и Ольга Иосифовна заметила его.

– А, это вы, граф! – расцвела она, так что поляк даже смутился – он не ожидал от этой практически незнакомой ему дамы такой искренней радости. – Какой вы сегодня нарядный, в шубе!

– Так ведь Рождество, – сказал он, оглядываясь в поисках агентов внешнего наблюдения.

– А я вот подарки мужу и дочке присматриваю...

«Ага, в шляпном магазине, – подумал поляк. – Дай тебе волю, так ты елочными шишками позолоченными украсишься, лишь бы блестело!»

– Представляете, свекровь решила нас осчастливить своим приездом на Рождество! Пойдемте в ювелирный магазин, куплю ей в подарок браслет в форме гадюки. А вы кого-то ищете?

– Нет, просто смотрю, не видать ли знакомых, – ответил Фаберовский. – В Сочельник можно кого угодно встретить в «Пассаже».

– Это правда, – со вздохом сказала Ольга Иосифовна и пошла по лестнице вверх, на галерею.

Либо агент был очень опытным, либо его вовсе не было, но поляк так и не сумел его углядеть. У стеклянных дверей ювелирного магазина дама остановилась.

– Да, кстати, раз уж мы с вами так неожиданно встретились: вот ваши двадцать рублей, граф, – сказала она. – Вы меня так выручили вчера... Представляете: муж распорядился купить подарки к Рождеству, сам уехал, а денег мне не оста-

вил! Теперь вот ума не приложу, что мне делать...

Ольга Иосифовна так простодушно посмотрела на Фаберовского, что поляку захотелось спрятать бумажник куда-нибудь подальше, дабы им не овладел соблазн помочь даме в беде.

– Я не могу принять у пани эти деньги в такой ситуации, – галантно сказал он, сам удивляясь себе – не далее как утром он прочитал Артемию Ивановичу целую лекцию об экономике в ответ на просьбу выдать ему полтинник. – Оставьте их себе. Должны же под Рождество совершаться чудеса!

– Вы такой замечательный! – улыбнулась дама и дотронулась пальцами до его руки. – Но я вам их все-таки верну после Рождества, не пытайтесь мне возражать!

Бросив привычный взгляд на свое отражение в зеркале, Ольга Иосифовна неожиданно побледнела и отшатнулась от Фаберовского. Он тоже мельком взглянул в зеркало и затем повернул голову к тому, кого она так испугалась – только что вошедшему человеку в черном пальто и подшитых кожей валенках, так контрастировавшему с публикой, заполнявшей сегодня ювелирную лавку. Не нужно было обладать особой проницательностью, чтобы догадаться о роде занятий вошедшего. Это был явно наружный агент, из тех, что предшествуют появлению высокопоставленных персон в общественных местах. Весь вид этого агента говорил о том, что тот, кто сейчас войдет сюда вслед за ним, является как минимум одним из столпов мироздания.

«Кого это она так пристрашила? – подумал поляк, в ожидании уставившись на двери. – Уж не это ли чучело следить ее приставлено?»

Агент внимательно осмотрел всех присутствовавших и остановил свой взгляд на Фаберовском.

«Он и есть, – решил поляк. – Сейчас придется доставать открытый лист и объясняться: для чего я нарушил приказание его превосходительства не следить эту даму...»

Агент, осмотрев поляка с ног до головы, ничего не сказал и подал условный знак. Первым вошел жандармский офицер и, придерживая дверь рукою в белой перчатке, впустил Петра Николаевича Дурново. Помещение наполнилось пряным ароматом «Иланг-иланга». Следом в магазин вступили его супруга и юная барышня, вероятно, дочь. Потом вошел еще один жандармский офицер и пятеро одинаковых мужичков в таких же черных пальто и валенках, что и первый агент. Последний из вошедших закрыл своей спиной доступ публике в лавку.

«Какая честь! – подумал Фаберовский. – Лично арестовать явился!»

Дурново прошел к прилавку, бросив мимоходом яростный взгляд, и, сердито сопя, склонился над витриной.

– Ну же, Екатерина Григорьевна, выбирай поскорее – времени мало. А ты что застыла, как соляной столп?! – прикрикнул он на дочь. – Быстрее!

Приказчики суетливо упаковали выбранные украшения,

Дурново расплатился и быстро, даже не посмотрев больше на Фаберовского, покинул магазин. За ним убрались и агенты с жандармами.

– Чего пани так испугалась? – спросил поляк у Ольги Иосифовны, переводя дух.

– Да вы знаете, кто это такой? – испуганным шепотом спросила она. – Это же сам директор Департамента полиции!

– Ну и что? Он пришел презенты своей фамилии покупать на Рождество.

– Вы даже представить не можете, какой опасности вы себя подвергли только что, оказавшись здесь в магазине рядом со мной! Это страшный человек! И знакомство со мной может вам стоить Сибири, если не жизни вообще!

– Чем же так страшно знакомство с пани Ольгой?

– Даже не спрашивайте меня об этом! Я никогда вам этого не скажу! Как плохо, что в сочельник не торгуют вином... Ну да ладно... Ради Бога, давайте поскорее уедем отсюда!

– А как же подарки мужу и свекрови?

– Ах, ну и пусть! – воскликнула она.

Тем не менее, Ольга Иосифовна все-таки купила на двадцать рублей жестянку отборного английского трубочного табаку, фарфоровую куклу и роскошную коробку абрикосовских конфет.

– Пани Ольга теперь до дому к мужу? – спросил Фаберовский, когда они вышли из «Пассажа» не на Невский, а на Итальянскую, чтобы не встретиться случайно с Дурново.

– Да, в Полюстрово.

– В Полюстрово? – изумился поляк.

– Да, мой муж – пристав Полюстровского участка. Боже мой, как мне не хочется туда ехать... А вы действительно ничего не боитесь?

– Не боюсь, – пожал плечами поляк.

«Сейчас предложит отвезти ее в какую-нибудь гостиницу, – подумал он. – Пора прекращать это дело...»

От пережитого страха Ольгу Иосифовну совсем развезло. Она прислонилась к стене и поставила коробки на снег.

– Граф, помогите мне сесть на извозчика. Вы проводите меня до участка? Я боюсь растерять подарки.

– Мужу пани Ольги это может не понравится, – сказал Фаберовский.

– А вы скажите ему, что ко мне приставали. Он вас посадит в арестантскую. Вам, как благородному, матрасик дадут, и морду бить не будут. У вас есть с собой четвертак? Купите у Нефедьева персидского порошку. А я к вам ночью приду, когда все заснут.

Фаберовский кивнул.

– Тогда пройдите по Фонтанке к мосту, а я по Караванной вас на извозчике нагоню и подберу, – сказала Ольга Иосифовна.

«Конспирируется, – усмехнулся про себя поляк. – А сама ни разу назад не оглянулась, как из ювелирной лавки вышли, чтобы проверить, нету ли за нею хвоста. Пусть-ка она лучше

вперед едет, а я погляжу, не увяжется ли кто за ней. А то потом обвинят, что я за ней приволокнулся, вместо того чтобы за капитаном следить.»

Он перешел Караванную и, пройдя полсотни шагов, обернулся. Ольга Иосифовна взяла извозчика и тот, свернув с Итальянской, в сторону цирка, исчез из виду. За ним никто не поехал. Продав пару минут, Фаберовский вышел на набережную, и вскоре уже садился в санки рядом с приставшей, державшей на коленях ворох коробок.

– Куда едем? – спросил извозчик.

– Пошел, ванька, в Полюстрово, на Большую Охтинскую дорогу, – велела Ольга Иосифовна.

– Боже мой, как я соскучилась по Одессе! – жаловалась она поляку, пока ехали по Шпалерной, к Смольному институту. – Светит солнце, и море такое ласковое, нежное... А весь горизонт утыкан парусами турецких фелюк. И так божественно пахнет свежестью и водорослями.

– Тут в Петергофе тоже пахнет водорослями.

– Гнилью здесь пахнет, а не водорослями! А какая рыба на Привозе! Скумбрия, благороднейшая кефаль, глоси, а осенью, когда море замерзнет – белуга. А тут соленая вонючая треска да дурацкая рыба, которая пахнет огурцом! Здесь все мужчины пьют водку! Эти вечные сквозняки, эти тройные рамы, через которые не проникает свежий воздух, этот запах псины от городских и вонь от кислой капусты, которой их кормят! Я больше не могу жить в этом болоте! В семи

верстах от участка зимуют медведи. Да я до переезда сюда в Полюстрово медведя только один раз видела, в Париже.

— А что пани делала в Париже?

— Это вас не касается, граф. Вам лучше этого не знать. Бр-р-р-р, я даже протрезвела! Давайте выпьем, ведь у вас, у протестантов, сегодня поста нет. — Она достала из муфты небольшую плоскую бутылочку с красным вином и протянула Фаберовскому. — Ну как? Правда, невероятная кислятина? Такое делают только в Одессе. Напоминает мне уксус, который изготавливает мой папаша Минус. Боже, как я пьяна! Я боюсь, что скажу чего-нибудь лишнее. В моем положении это смертельно опасно.

Она замолчала и до самого участка больше не произнесла ни слова. Пока они ехали по льду Невы, Ольга Иосифовна мертвой хваткой держалась за шубу поляка, и ему стоило больших трудов расцепить ее пальцы, когда извозчик уже в крошечной тьме остановился напротив деревянного дома с двуглавым орлом над воротами, занятого участком. Над дверями одиноко раскачивался керосиновый фонарь, бросая слабые желтые отсветы на снег, первый этаж был ярко освещен, а в окнах второго этажа теплились только розовые огоньки лампадок.

В участке было жарко, по-деревенски натоплено, и на стук ему открыл городской в шинели, наброшенной поверх исподнего.

— Что, ваше благородие: бабу пьяную привезли? — спро-

сил городской, разглядывая закоченевшую спутницу Фаберовского. — Где вам только такая фря попалась? С лета, что ли, под снегом завалялась где? У нас такие только из дачниц в сезон бывают.

— Йолоп, то же ваша приставша!

— И вправду! Принесла же нелегкая! — ойкнул городской. — Что сейчас будет! Складите ее на лавку, вашбродие, сейчас отогреется, и мы ее приставу наверх отведем.

— Вот тут подарочки она еще с собою везла, — сказал поляк, положив на лавку рядом с дрожавшей Ольгой Иосифовой коробки, и поспешил удалиться.

* * *

«Летом 1892 года вагон N-го класса Николаевской железной дороги на всех парах нес нас с 2-ном Ф. в Петербург. Всякая живая тварь ликovala благолепию природы: благодушно собирали взятки с цветов осы с ослами, над покрытыми тиной прудами оживленно стрекотали стрекозы с их благоверными стрекозлами, а заблаговременно окуклившиеся гусеницы и гусаки превратились в бабочек и мужучков и теперь беззаботно порхали над полями. И никто среди ехавших в вагоне не подозревал, что к мирному горлу столичного жителя уже протянула костлявую руку страшная напасть — Холера!»

Артемий Иванович отложил в сторону перо и посыпал на-

писанное песочком. К бразильцу никто не ходил, и у Владимирова появилось время приступить к давно вынашиваемой в голове эпической «Исповеди дезинфектора». Жизнь на площадке у квартиры академика Кобелевского быстро налаживалась, и сени за стеклом все больше походили на кабинет. К ломберному столу добавились пульт для письменных занятий, отличные английские перья, чернила, десть отменной бумаги, а также большой медный самовар для стимуляции творчества с пухлой белокурой немкой Луизой Ивановной впридачу – она служила прислугой у академика, и ей было поручено обеспечивать Артемия Ивановича кипятком, а также развлекать разговорами.

– А вы замужем? – спросил у нее Артемий Иванович, ссыпая с листа песок в горшок с аспидистрой.

– Нет. Ко мне фосемь лет сватался очень хороший челофек с очень большим достатком, фладелец столярной мастерской герр Карл Шульц.

– И что же случилось? – Артемий Иванович насторожился и даже окунул перо в чернильницу, предчувствуя повествование о человеческой трагедии, которое можно было бы оформить в виде рассказа и послать Суворину в «Новое время» или Лейкину в «Осколки». В конечном счете, «Исповедь дезинфектора» могла полчаса и подождать.

– На дефятый год он передумал. Будете еще чаю?

– Валяй, Луиза Ивановна!

Луиза взяла самовар, и тут из двери выглянул академик.

– Извините, что беспокою вас и отнимаю время, но мне нужно обмолвиться несколькими словами с Луизой Ивановной, – сказал он. – Ну вот что, Луизушка: я поехал к семейству, а ты все проверь: чтоб заслонки в печи были задвинуты, вентиль на газовой трубе завернут, продукты от мышей укрыты, потом запрешь дверь и отдашь ключи дворнику. Вернешься после Крещения, я приеду вечером.

– Постой, постой! – вскочил Артемий Иванович. – Во-первых, когдаходишь, нужно стучаться! А во-вторых, это что ж получается? Мы тебе запрет покидать квартиру огласили, а ты решил тихой сапой? Куда это ты собрался?

– К семейству, на праздники... – промямлил растерявшийся академик и посмотрел на часы: в его академической квартире на Васильевском жена с детьми уже ждали его к столу.

– Нечего на часы смотреть! Я только начал с тобою разговаривать! – прикрикнул на него Артемий Иванович.

– Прошу прощения, сударь, привычка.

– А... Рефлексы головного мозга... Так вот слушай меня внимательно, рефлектор: распоряжением градоначальника и председательствующего Санитарной комиссии городской думы в доме Вебера на Большой Конюшенной объявлен строгий карантин и велено до Пасхи никому из дома не выходить.

– Ах! – всплеснула руками Луиза Ивановна.

– Да что за...! – начал было академик, но Артемий Ива-

нович грубо оборвал его:

– Опять за свое?! Да чтобы получить тебе разрешение выйти за полицейское оцепление, тебе одной гербовой бумаги на прошения рублей на сто исписать надо, да и ответ раньше Пасхи не получишь!

– Но что же мне делать?! – воскликнул академик жалобно. – Меня дома ждут.

– Ты толкаешь меня на должностное преступление, и только из уважения к твоим научным заслугам я тебя, скотина, покрою.

– Ах! – опять всплеснула ручками Луиза Ивановна.

– Давай сюда ключ от квартиры и пятьдесят рублей, я скажу, что ты заперся у себя и не выходишь.

Академик выскочил из дверей и подбежал к Артемию Ивановичу.

– Это уже слишком! – прошипел он, глядя снизу вверх на обидчика. – Вы переходите всякие разумные пределы.

– Ну, сиди дома, – пожал плечами Артемий Иванович и вернулся к своей рукописи.

Луиза поспешила в квартиру поставить самовар, а академик еще некоторое время топтался рядом с Артемием Ивановичем и тряс бородой.

– Это ты-то тайный советник? – оборвал Артемий Иванович его причитания. – Ладно заливать. Таких козявок не бывает в тайных советниках.

Академик побагровел от ярости и тоже убежал в кварти-

ру, громко хлопнув дверью. Появился он через десять минут, и рассыпаясь в извинениях, протянул Артемию Ивановичу ключ и беленькую.

– То-то же! – сказал, оживляясь, Артемий Иванович. – С нашим братом лучше не спорить. Нам в Сибирь кого послать – плевое дело. А то сразу – тайный советник, тайный советник. Не дай Бог никому твоих тайных советов... Луиза, ты самовар поставила? – крикнул он вглубь квартиры. – Накрывай в столовой, академик сейчас уедет.

– Но позвольте! – побагровел академик. – Как в столовой?!

– Чего позволить?

– Позвольте мне дворника позвать вещи к извозчику снести.

– Какой дворник! Да ты с ума сошел! Я его тут покрываю, а он чуть не манифестации устраивает. Дворник в оцеплении. Сам снесешь чемоданы по черной лестнице и дворами на Мойку, чтобы ни одна живая душа не видела! А тебе, Луиза, вот пятьдесят рублей, дуй в кондитерскую. Купи нам пряников, да медовиков, да сочней, а потом зайдешь к дворничихе, дашь ей рубль – пусть и на нашу долю кутьи да рыбы, да супа какого приготовит. И еще водки купи обязательно, а то завтра не доищешься. А потом зайди к домовладельцу, может они для бедных какую птичку готовят на раздачу. Праздник великий все-таки, надо его встретить по-человечески, как положено. Фаберовский придет – то-то удивится!

Извозчик подвез Фаберовского к дому Вебера, когда на Конюшенной церкви и на Казанском соборе начали благовестить к Великому повечерию. Поляк был без очков, он спрятал их в карман шубы, так как нос под золотой оправой безбожно мерз, и поэтому все вокруг – и фонарь над подъездом, и витрина кондитерской в праздничном освещении, – расплывались яркими радужными кругами. Вдоль улицы к церкви на всюнощную тянулся смутными черными тенями народ. Фаберовского посетило детское желание рождественского чуда: после всюнощной все вернуться к праздничным столам, в теплые квартиры, а они с Артемием Ивановичем поедут обратно, к себе, на Мещанскую, к пустому столу – хоть покойника укладывай, – и дай им Бог хотя бы самоваром разжиться на этот вечер.

«Надо будет в кондитерской чего-нибудь на вечер прикупить», – подумал поляк, одел очки и расплатился с извозчиком.

В подъезде было еще темней, чем на улице: швейцара по-прежнему не было, и лампы не было, и единственным источником света было догорающее в лестничном камине полено. Видимо, наследники Вебера все еще были заняты дележом наследства.

Сверху раздавался какой-то дикий шум, гам, лай и тара-

рам – должно быть, Артемий Иванович подрался с Полканом. Нет, на чудо рассчитывать явно не приходилось. Фаберовский вновь снял мигом запотевшие с мороза очки и присел у гаснущего камина, протянув ладони к огню: наверх ему не хотелось, да и опасно было подниматься в запотевших очках – надо было хотя бы видеть, что там происходит.

Тарарам не прекращался, только лай то чуть затихал, то снова усиливался. Поляк вернул очки на нос и медленно пошел вверх по лестнице. Он миновал двери консульства, поднялся к посольской квартире, и тут сверху кубарем скатился Полкан, высоко подпрыгнув, лизнул его в нос и понесся обратно.

«Эх, сейчас бы дома сидеть», – подумал поляк, одолеваемый мрачными предчувствиями.

Он поднялся на четвертый этаж и обнаружил, что в сенях за стеклянной стеной Артемий Иванович отсутствовал. Ломберный столик лежал на боку, по полу разлилась чернильная лужа, в которой плавал листок бумаги с единственным словом «Чудо», накарябанном в правом верхнем углу, будка Полкана тоже была пуста. Зато дверь в квартиру академика была настежь распахнута, и оттуда-то как раз и доносились те пугающие звуки, которые он слышал еще снизу.

Фаберовский осторожно вошел в прихожую и прикрыл за собой дверь. По всей квартире были зажжены лампочки, по коридору плыл густой запах жареного гуся.

– Луиза Ивановна, а где тут у академика парадный гарде-

роб? – раздался голос Артемия Ивановича, и он собственной персоной появился из дверей спальни слева. – Хочу у него на время сюртуком разжиться.

Увидев поляка, он шмыгнул в дверь напротив и тут же возвратился со стаканом, наполовину заполненным водкой.

– Ну-ка, Степан, опрокинь ради нашего праздничка, тебе можно, нехристю! Да не злился ты, сегодня я тут маленькое чудо устроил! Теперь мы здесь до самого Крещения жить будем! А Луиза Ивановна у нас заместо кухарки. Да скидавай ты свою шубу! Полкан, цыц! Луиза, это мой адъютант, начальник царской охраны генерал Фаберовский.

– Да погодите вы, Ваше Величество, мне бы докуда пристать, – сказал поляк.

– Луиза, еще водки генералу! Вот, уважила. А теперь, Степан, садись на стул, я пошел делом заниматься.

Фаберовский плюхнулся на подставленный стул и расстегнул шубу. Луиза почтительно помогла ему вылезти из тяжелого мехового одеяния и поспешила укрыться на кухне. Если бы она своими глазами не видела, с какой скоростью исчез из квартиры академик Кобелевский, она решила бы, что ее пора везти в богадельню, а теперь она и не знала, что думать. Так скоро и в самом деле сюда император со двором нагрянут!

Когда первый шум в голове прошел, Фаберовский встал и, нетвердо держась на ногах, проследовал в гостиную, где завалился прямо на диван. Здесь было сравнительно тихо, ос-

новной тарарам продолжался в соседней комнате, где располагалась столовая академика. Минут через десять Фаберовский окончательно пришел в себя и отправился на разведку.

Сперва он заглянул в кабинет к академику. «Здесь побывал наш Атилла», – подумал он. Около стола горой лежали фотокарточки, выданные из рамок, сами рамки были аккуратно разложены по размеру на зеленом сукне, а в некоторые уже въехали новые жильцы. В одну из них была вставлена фотолитография парадного портрета царя кисти Крамского с надписью, сделанной рукою Артемия Ивановича: «Любезному А.И. от Г.» Вставка с едва обсохшим от чернил пером лежала рядом.

В столовой был накрыт большой круглый стол с белоснежной накрахмаленной скатертью, украшенный вазой с букетом перевитых ленточками еловых лап. Рядом с Артемием Ивановичем, что-то колдовавшим над большим блюдом, сидел Полкан и пускал слюну. Завидев поляка, Артемий Иванович с быстротой молнии закрыл свое творение углом скатерти, обнажив соломенную подстилку под нею.

– А теперь мое чудо, Степан! – торжественно объявил Владимиров и откинул край скатерти. – Шестикрылый серафим-с. Луиза от Веберов целый таз этого добра принесла. Вот только ни одной ноги, все нищие поели. Одна была, так я ее Полкану отдал, что за гусь с одной ногой!

– Гусь! Натуральный гусь! – вскрикнул Фаберовский.

На противни лежал золотисто-коричневый, сложенный из

кусков «гусь» с шестью крыльями и тремя шеями.

– Не то, что в Якутске гуси, – с гордостью сказал Артемий Иванович, любовно осматривая свое создание. – То были дикие, один шкелет с перьями, а тут тебе и луцкий, и бежецкий, и вот от индюшки крылышко. Завтра после службы разговеемся.

Луиза Ивановна отнесла «гуся» на кухню и принесла поднос с булочками из кондитерской – расчетливые немцы раздавали их нищим, так как знали, что уже вечером их никто не купит, всем будет некогда. Теперь все было готово к праздничной трапезе. На столе стояло четыре прибора – по требованию Артемия Ивановича для четности был поставлен еще один, пустой, – как он объяснил, это лучше, чем приглашать нищенку, тем более что ее уже пригласил старший дворник Савва Ерофеич. Кроме положенных по случаю Рождества кутьи из размоченных зерен и компота, первым делом на стол была подана закуска.

– Ну, я, как единственное кроме Полкана православное существо среди здешних нехристей, сажусь во главу, – сказал Артемий Иванович. – Ваши басурманские праздники прошли уже, так что теперь ухаживайте за мною.

Он подошел к своему месту, взялся за спинку стула и неожиданно для всех запел: «Рождество Твое, Христе Боже наш». Поляк с Луизой тоже из уважения к сотрапезнику встали. На глаза Артемия Ивановича навернулись слезы. Ему припомнилось, как в детстве, в родительском доме во

Пскове, вот так же всей семьей вставали они в сочельник после возвращения из церкви и пели перед началом трапезы этот тропарь и рождественский кондак.

– Пойду, отпущу пиявок на свободу, – сказал он, утирая слезу рукавом. – Там у академика в банках их страсть, как много.

Он взял в кабинете у Кобелевского две большие стеклянные банки с черными пиявками и направился в сортир. Там он вылил содержимое в клозетную чашку и спустил воду. Когда он вернулся, Луиза воодушевлено объясняла Фаберовскому:

– Сначала ко мне посватался Вилли, это был мой первый любофь. Но герр Шульц сказал, что Вилли слишком юнг, есть и старший братья. Они сватались по очереди: Мартин, Георг, Арнольд, Фердинанд, Йозеф-Адольф, Генрих, Клаус, Иоганн, Франц, Карл-Густав, Курт и самый старший, Вальтер. Но герр Шульц сказал, что они тоже слишком юнги, и им нельзя жениться, пока они не станут на ноги. Он, герр Шульц, сам женился, еще не фстав на ноги, и теперь едва таскает ноги от такой жизни.

– Герр Шульц, продукция чад и мебели, – сказал поляк, потрясенный списком. – А дочери у него были?

– Конечно. Хороший немецкий отец должен иметь дочери: Амалия, Эльза, Ева, Моника и Розалия. Герр Шульц сказал, что он сам женится на мне, и последние фосемь лет уже сам сватался ко мне.

– Я, Степан, обещал ей выдать ее за этого Шульца замуж, – сообщил Артемий Иванович. – Так что ты тоже в доле. Как, Луиза, готова замуж? А то мы тебя выдадим, а ты не пойдешь? Манерам ты хоть обучена? Плясать умеешь? Кренделя всякие выделывать можешь?

– Умею танцен унд вальсен. А кренделя лучше у Вебера в кондитерской покупать, там будет фкуснее.

– Тогда заводи музыку. У тебя есть какая-нибудь шарманка? У немцев завсегда какая-нибудь шарманка или орган имеется, – пояснил он поляку.

– У меня есть музыкальный шкатулка. Подарок герр Шульц в начале сватовства.

– Надо же, обратно не взял! – воскликнул Артемий Иванович. – Благородная колбаса!

– Герр Шульц очень благородный колбаса, – согласилась Луиза. – Сейчас принесу шкатулка.

Немка ушла и принесла из своей каморки большую деревянную шкатулку с ярко раскрашенной картинкой на крышке. Под крышкой оказался симпатичный домик-шале, из которого тут же выехали две фигурки – толстая девица в пышном платье и мужчина в зеленом камзоле и охотничьей шляпе с пером, которые под веселую тирольскую мелодию закружились в танце, потом вновь заехали в домик, а когда, наконец, опять появились из него, девица поклонилась своему кавалеру и отчетливо сказала: «Данке».

– Какое непотребство! – сказал Артемий Иванович. – Ну-

ка, заведи еще разок, я в окошко в домике погляжу. Черт, темно, не видать ничего!

– Пора что-нибудь съесть, а потом пан Артемий спляшет с нашей панночкой, – сказал поляк, разомлевший от водки. – Как замуж ее выдадим, так всем пляскам конец. Знай только детей рожай.

Они отведали кутьи, съели селедку, и Луиза принесла грибной суп и пирожки с грибами, потом рулет с маком, знаменитые веберовские булочки, жареные на конопляном масле сочни, клюквенный кисель – подарок дворничихи, яблоки, орехи и конфеты. Когда есть стало уже невмоготу, Артемий Иванович навалил в вазу из-под фруктов булочек и поставил ее под стол для Полкана.

Луиза напомнила ему об обещании станцевать с ней. Артемий Иванович никогда плясать не умел, но настоянию Фаберовского последовал. Громко топая, он обпрыгал вокруг барышни и свалился в кресло, тяжело дыша.

– Танцен! Танцен! – пыталась взбодрить его Луиза, но он выдержал только еще один круг. Второй раз из кресла он встать уже не смог. Фаберовский оказался более крепок – его хватило аж на три завода музыкальной шкатулки.

Внезапно в дверь требовательно позвонили. Обожравшийся булочек Полкан виновато тявкнул, но тоже встать не смог. Луиза покраснела, и со словами «Ах, Александр Онуфриевич вернулись», бросилась в прихожую открывать.

– Видать, академик околоточного привел, – сказал Арте-

мий Иванович. — Пойду, с лестницы спущу. Что за манеру взяли — праздник православному люду портить! Ты, Луиза, без нас вообще никого в квартиру не пускай, — крикнул он, выходя в коридор, — говори всем, что академик съехал с квартиры на Рождество.

Поляк прислушался. Шума не было. Спустя минуту Артемий Иванович вместе с немкой вернулись и объявили, что это приходил переводчик Игнатий Лабурда от посла снизу, так как «висконт на шум жалуется», был ими приглашен в гости и пошел отпрашиваться. Вернулся переводчик через пару минут. По уверению Лабурды, виконт Феррейра де Абреу был человеком невредным и охотно отпустил толмача к его соотечественникам. Более того, он велел своему камердинеру выдать переводчику на праздник бутылку отменного портвейна, доставленного ему из Лиссабона.

Лабурду усадили за стол рядом с Луизой и Артемий Иванович на правах хозяина объявил, что хотя оно и не положено, однако с учетом обстоятельств он позволит себе нарушить обычай, и выпьет рюмочку «лиссабона» прямо сейчас, в сочельник. Луиза Ивановна сходила за штопором, и бутылка портвейна была торжественно откупорена. Всем досталось по маленькой рюмочке, а потом бутылкой завладел Фаберовский, передвинул кресло к камину и сел, вытянув к огню ноги. У ног его тут же улегся Полкан, мерно тикали часы на стене, и поляку показалось, что чудо свершилось наяву, он вновь в своем лондонском доме, в любимом кресле

перед камином, в руке рюмка с портвейном, за окном плывет гороховый туман, а в ногах мирно посапывает жена.

– Так вы, господин Лабурда, бразильским языком владеете? – осведомился Артемий Иванович, когда портвейн в рюмке закончился.

– Владеем-с! – мотнул головой толмач. – А еще я при нем куком состою, попугаев готовлю.

– Как это – попугаев? – удивилась Луиза Ивановна.

– Очень просто. Дело в том, что за те годы, что виконт был в Петербурге не у дел и жил на иждивении у сеньора Герике, у него на нервической почве развился некоторый род бессилия. Висконт наш – мужчина страстный, многих петербургских дам очаровал, и они пошли на весь позор и неудобства супружеской неверности, однако радостей супружеской измены не познали и оттого были в претензии сеньору виконту. Говорят, до моего приезда он лечился «виталином» у сеньора Гачковского, но лечение ему не помогло. Я же предложил ему народное бразильское средство: стюдень из попугайских клювов.

– А вот в Англии в аквариуме рыбы специальные водятся с восьмью ногами, – перебил Артемий Иванович. – У них клюв как раз на нужном месте. Стюдень из таких клювов забористее должен быть.

– Да где же я такую рыбу виконту возьму?! А попугаев всегда можно купить на Биржевом сквере и на Мариинском рынке. Меня уже там знают и всегда готовят для меня

парочку отборных попугайчиков. Нужны, конечно, попугаи ара, но зимой матросы их редко привозят, приходится обходиться другими. А у нас таких мелких попугаев даже рабы на плантациях до революции не ели! Зато я себе приработок нашел небольшой – сдаю попугайские перья одному сеньору по имени Депари по рублю за фунт, он из них потом птичек делает на женские шляпки, и продает.

– И сколько ж попугаев у вас в месяц уходит? – подал голос из кресла поляк.

– За те несколько месяцев, как висконта вновь приняли на службу, он съел четыре дюжины попугаев. Он бы и больше съел, но у нас и так все тарелки под стюдень заняты и ставить некуда. И так его, сеньоры, жалко. Стюдню тарелку съест, и стакан касторки следом, чтобы внутри все не склеилось. А недавно висконт здесь сеньору одну заметил. Такая сеньора – все отдай, мало будет! Теперь по две тарелки в день съедает! Несчастный.

– Два стакана касторки! – покачал головой Артемий Иванович. – Вы не от того его лечите, господин Лабурда. Это враги воздействуют на твоего посла месмеризмом и магнетизмом через его личную корреспонденцию.

– Как же мне быть?

– Тащи всю корреспонденцию посла к нам.

Поляк в кресле восхищенно зааплодировал.

– Мы проведем с нею специальный научный сеанс – видишь, сколько у нас для этого инструментов? – Артемий

Иванович показал на полуоткрытую дверь в кабинет академика, где в темноте смутно белели на столе реторты, – и выясним, кто же является сим зловредным магнетизером! Потом его можно будет сдать в полицию.

– Но вся корреспонденция заперта у сеньора поверенного в кабинете, – сказал Лабурда. – Я могу принести только меморандум президента Пейхото, прибывший с последней дипломатической почтой: «Об искоренении пропедризма». Он очень расстроил висконта, ведь в душе тот всегда был антипедристом.

Фаберовский загоготал во все горло, хватаясь за сердце.

– Я вижу, что здесь надо мной смеются! – Лабурда встал из-за стола.

– Ну что вы, господин переводчик, – сказал поляк, утирая слезы. – Мне просто приснился неприличный сон. Вы не сомневайтесь, несите корреспонденцию к нам, и мы выведем поганца-месмеритика на чистую воду.

Лабурда холодно откланялся и удалился.

– Письма не забудь, все тащи, – крикнул ему вслед Артемий Иванович, закрывая дверь.

25 декабря 1892 года, пятница

Фаберовский проснулся от завываний ветра за окном. За метелью было не только не слышно рождественских колоколов – даже стены на другой стороне двора не было видно. Все кругом было незнакомо. И эта мягкая теплая постель с кружевной наволочкой на подушке, и дорогой тюль на окне с тройными рамами, и пышущая жаром изразцовая печка, и умывальник карельской березы с мраморной доской и сверкающей медной педалью. Поляк вспомнил, как перед самым сном принимал горячую ванну, и как булькал кипяток в дровяной колонке, когда он отворачивал бронзовый кран, и как за дверью в коридоре приплясывал Артемий Иванович с белым под мышкой, истерично выкрикивая: «Оставь мне воды помыться, сволочь! Я тебе сейчас свет погашу!»

– Герр генерал, герр генерал, – в дверь спальни постучалась Луиза Ивановна. – Дворник пришел. За праздничными деньгами.

– Ты сказала, что хозяин на Рождество съехал? – спросил Фаберовский.

– Я иногда плохо не понимаю по-русски, – сказала Луиза Ивановна. – Он все равно хочет денег.

Поляк спустил ноги на непривычно теплый пол и стал одевать ботинки.

– Скажи дворнику, что сейчас выйду.

– С превеликим праздником Рождества Христова, ваше благородие, честь имею вас поздравить, – встретил его старший дворник. – Погода-то какая скверная! Все с ребятами вечера заготовили, дров наносили, мусор и отбросы убрали, тумбы тротуарные вымазали маслом с сажей. Осталось только с утра посыпать откосы у тротуара песочком – и вот теперь буран. Только к 8 утра все размели, уже опять намело, придется за лопату браться!

– На тебе рупь! – сказал поляк и протянул Ерофеичу монету.

– Я с академика пятишницу, признаться, думал получить...

– Индюк тоже думал... С академика и получишь, когда вернется. А допоки ступай, пан дворник, восвояси, вот пан Артемий проснется, узнает, что я тебе рубль казенный дал – на Горохову сволочет.

– А я видел, а я видел, как ты ему рупь дал! – закричал Артемий Иванович, поднимавшийся снизу по лестнице. – Гони рупь взад!

– Помилосердствуйте, ваше высокоблагородие!

– Разве что ради праздника. Ступай.

– Откуда это пан Артемий явился? – спросил Фаберовский, когда дворник, удрученно вздыхая, поплелся к себе в дворницкую.

– С заутренней, нехристь, – высокомерно ответил Артемий Иванович и прошел в квартиру. – Потом службу стоял,

об изгнании двенадцати языков. У самой могилы светлейшего в соборе, аж прослезился. Хорошо мы вам с французами в двенадцатом году наклали... Луиза, на стол уже накрыла? Надо бы разговеться после заутрени...

Луиза Ивановна пригласила всех в столовую. Была выставлена бутылка водки, три раскисших соленых огурца, хрустящая с морозца кислая капуста со льдинками и нарезанная ветчина с вареным горошком.

– Ну, чем ты, Степан, сегодня займешься? – спросил Артемий Иванович, разливая водку.

– Надо бы нам капитана найти для начала... Что значит «ты займешься»?!

– Нам, православным, работать в великий праздник – грех.

– Вам всегда грех работать.

Поляк поджал губы.

– Зато у нас душа загадочная, – ответил Артемий Иванович. – А ты, ренегат, можешь и поработать, от тебя не убудет. Чего, капитана не найти, что ли, одному? Он сейчас в полку квасит, а потом с визитами поедет. Подъездь к офицерскому флигелю, да и знай себе его дожидайся. Если бы я такую шубу, как ты, получил, я бы и сам с превеликим удовольствием полдня в извозчике просидел.

– В каком полку его ждать-то?

– Вот этого я, Степан, тебе не скажу. Не знаю. Я в новых мундирах ничего не понимаю, они чисто мешки с брюквой

теперь, один от другого не отличишь. Ты у нас за старшего, при шубе, при орденах, деньги все загреб – тебе и думать. А наше дело маленькое – сиди дома да разговляйся.

Фаберовский вдруг вскочил из-за стола, бросив вилку на скатерть, и сдернул за ворот Артемия Ивановича со стула.

– Едем на Шпалерную.

– А чего мы там забыли? – жалобно проблеял Артемий Иванович, торопясь запихать в рот развешанную по бороде капусту. – Нам и здесь хорошо. Вон сколько всего еще осталось! Не хочешь филировать капитана – не надо. Потом найдем. Дай чудом насладиться! Ведь даже клопов в постели нету!

– Разведать надо, можем ли мы послезавтра на Шпалерной где-нибудь в трактире или в чайной дожидаться встречи капитана и пани Ольги, чтобы проследить, куда они от французского консульства поедут.

– Только чур потом сюда, а не на Мещанскую! – нехотя согласился Артемий Иванович.

* * *

Злобствовавший с ночи буран замел тротуары, и было невозможно передвигаться пешком в метелистой полумгле по колено в снегу. Они взяли извозчика и тот в полчаса доставил их на Шпалерную, к французскому консульству. По всей длине улицы, сколько можно было видеть сквозь вьюгу,

дворники с лопатами гребли от домов снег, а вдоль рельсов конки толпа рабочих с матерным лаем откидывала этот снег обратно с рельсов на тротуар.

Очки поляка были залеплены снегом, и сколько он не протирал их, они вновь покрывались белой коростой.

– Что, барин! Плохо? – участливо спросил махавший рядом с ними лопатой дворник. – В самый праздник такая гадость! Да еще эти жертвы полового подбора! Им положено снег в кучи складывать, чтобы потом на санях на Неву вывозить, а они со своей чугулки снег нам обратно кидают. Мне госпожа Синельникова так и сказала: «Огради, говорит, Митрич, мой интерес от этих трутней». Нам еще на Шпалерной повезло, снег весь ветром унесло, да в Гагаринскую и Самбургский переулок забило. Там сейчас такие валы высокие, что человекам по разные стороны одному другого не видать.

– Какие трактиры или ренсковые погреба, или другие жральни тут рядом есть? – спросил у дворника поляк.

– Так у нас в доме кухмистерская Петра Емельяновича Владимирова, добро пожаловать. А за французским консульством и за шведами кухмистера Столбова заведение, только я вам туда не советую ходить. А если выпить хочется, то на углу Гагаринской трактир Эзелева. Только никто сейчас не торгует, праздник-с.

– А господин Владимиров в этом доме живет или в другом месте?

– В этом. Над кухмистерской квартирует.

– Пошли к нему, Степан, – сказал Артемий Иванович. – До этого Столбова еще три дома идти, а тут два шага всего.

– Уж не родственник ли то пана Артемия?

– Нет. Я, слава Богу, сирота.

Дом с вывеской кухмистерской Владимирова находился по другую от консульства сторону улицы и почти напротив него. Толкнув дверь с заиндепевшим стеклом, они вошли в подъезд, где навстречу им со стула, стоявшего напротив небольшого горевшего камина, поднялся гревшийся у огня швейцар в фуражке с наушниками и в длинной швейцарской шинели с солдатским Георгием на груди.

– Так значит, это ты служишь здесь швейцаром! – сказал Артемий Иванович, стряхивая со своего пальто снег.

– Уж с лета здесь служу! – доложил швейцар, почтительно помогая поляку отряхнуть дорогую шубу и веником обмахнув ему ботинки. – Как с действительной из-за слабости в ногах вышел из Преображенского полка, с тех пор тут.

Фаберовский протер платком очки, водрузил их на нос и строго спросил:

– Как зовут? Ага... Самсон Лукич... Грамотный? Тогда ознакомься.

Он продемонстрировал швейцару открытый лист, тот поднес его поближе к газовому рожку и затем почтительно вернул, выражая всем своим видом готовность услужить.

– Вот что, Лукич, – сказал Артемий Иванович и искоса

взглянул на шубу Фаберовского, а затем опустил глаза себе на грудь, прикрытую вытертым телячьим воротничком. – Прослышали тут у нас в ведомстве, что в здешних окрестностях творятся неладные дела, и ты его превосходительству и мне, как человек по-видимости правильный и с понятием, сейчас обо всем как на духу расскажешь! Ведь по этапу не ходил? Много потерял. Но это дело можно легко поправить.

– Что же вы меня сразу пугаете-то! – обиделся швейцар. – Мы люди православные, Государя и Господа нашего чтим, отчего ж не рассказать правды-то?

– Вот и давай без предисловий, – жестко сказал поляк, чтобы перехватить, пока не поздно, инициативу у Артемия Ивановича.

– Садитесь, ваше превосходительство, – Самсон Лукич уступил свой стул поляку, подобострастно протерев сидение рукавом. – Перво-наперво, упомяну о том, что вчера за час до вечерней службы от французского консульства неизвестные на тройках дежурного дворника похитили! Один валежок остался.

– Чего?!

– Вот вам истинный крест! Бабы наши говорили, что Андрейка сам на метле улетел, да только дуры они суеверные: где ж это было видано, чтоб мужеской пол на метлах летал! Да и какая у него метла могла быть, когда он на часах! Дворник наш, Митрич, – вон он лопатой на улице махает, – своими глазами видел, как его в сани втащили. Я-то в это время

господина кухмистра с семейством поздравлять поднимался, так не видел, но Андрейка точно часа четыре отсутствовал. Мы в участок докладывали, пришел околоточный, всех опросил: кому в зубы, кому в ухо. Сам-то похищенный отпирается, дескать, не увозили его никуда, просто из-за бурана никто его не видел, а Митричу померещилось. Полиция в похищение так и не поверила, а зря: я-то заметил, что когда нас сегодня утром околоточный допрашивал, Андрейка странно так, словно аршин проглотил, прохаживался, руки за спину, словно граф какой, и так затравленно на всех посматривал... Должно быть, что его пытали.

– Подозреваешь на кого? – спросил Артемий Иванович.

– А то ж! Вот видите, ваше превосходительство, дом Фредерики Карловны Балашовой, вдовы камер-юнкера, напротив?

– Вижу? – переспросил Артемий Иванович. – Да в таком буране дальше своего носа не увидишь!

– Андрейка как раз в нем дворником служит. Очень, я вам скажу, подозрительный дом. На первом этаже всякое было живёт: прачка наша, к слову, с мужем там же... А на втором этаже две сомнительные квартиры. Одну снимает преображенский капитан, Череп-Симонович, я его еще по службе помню. Живёт-то он в полку, во флигеле на Миллионной, а сюда по субботам приезжает и на воскресенье остается. Вот уж год я тут швейцаром, и всякий раз это повторяется. А то, ваше превосходительство, здесь подозрительное, что, во-

первых, как он на капитанское жалование лишнюю квартиру держит, когда он и в полку у всех перехватывал, и во-вторых, ходят к нему в эти дни и гвардейские офицеры разные, и солдаты. Причем остаются там на ночь. Ни буйств никаких, ни дебоширств, а шторы всегда опущены – и днем, и ночью. Если бы они все были из одного полка – еще куда ни шло: может песенников с собой взяли, или так, для obsługi за столом... Но они все из разных полков! Я сам видел, как сюда рядовой один из кавалергардов приходит. Огромный такой, наверняка из первого эскадрона, и в царевых покоях на карауле наверняка стоит. Что ему тут делать? А подполковнику из пограничной стражи?

– С чего ты решил, что он из пограничной стражи?

– Да они же все в мундирах, долго ли принадлежность определить! Вот взять, к примеру, подполковника пограничной стражи. У него приборное сукно салатного цвета. А вот изредка туда заходит семеновский капитан, так у него приборное сукно голубое. И он не просто капитан, а адъютант Штаба гвардейского корпуса, потому как аксельбанты у него...

– Это же наш капитан наверное! – сказал Фаберовский. – Я, пока за ним в «Пассаже» следил, голубое сукно хорошо разглядел.

– Мне кажется, – сказал Лукич, понизив голос, – что это заговор! Господа офицеры даже озираются кругом, перед тем как в дом зайти.

– А Анна второй степени у него на шее есть? У того точно есть, я заметил.

– Имеется, – подтвердил швейцар.

– Если это наш капитан, то встречу у французского консульства он мог назначить потому, что будет на сборище у Черепа-Симановича, – сказал Фаберовский. – Может, он ей даже какую-нибудь резолюцию передаст, а она у них вроде курьера, отвезет документ в Полюстрово.

– А в другой квартире, – не унимался Лукич, – живет капитан Варакута, инженер с Патронного завода. Он к нам обедать в кухмистерскую ходит. Я в кухмистерской у господина Владимирова еще и гардеробщиком подслуживаю, так однажды сам слышал, как он кухмистеру хвастался, что ему в мастерских гильзового отдела здесь по соседству котлы для самоваров делают, а в инструментальном отделении на Васильевском краны точат. Он, дескать, все это к себе приносит, доделывает да продает. То, что Варакута ворюга – это верно. А вот насчет самоваров он врет. Я видел, как однажды летом он привез к себе несколько круглых предметов, завернутых в бумагу. Но это не были самовары. Я уверен, что это были бомбы или мины, вроде тех, что мы в турецкую войну на Дунае ставили. А еще я слышал, что он подрядился во французском посольстве какие-то трубомеднические работы произвести. Французы ему кучу денег отвалили, а он материалы казенные берет с завода, да еще рабочих задарма на работу гоняет.

– А почему он с кухмистером так откровенничает? – спросил поляк. – Этот господин Владимиров тоже в доле?

– Господин кухмистер хотел бы заманить Варакуту себе в зятя. У него две дочки есть – настоящие тумбы! Облепи афишами да на улице поставь – никто разницы и не заметит.

– Ну-ка, зови хозяина.

Артемий Иванович сунул швейцару полтинничек и обернулся к поляку:

– Хоть мы люди и государственные, но инвалида надо уважить, все-таки праздник, – пояснил он.

Швейцар с благодарностью сунул монетку в карман шинели и поспешил по украшенной еловыми ветками лестнице вверх. Очень скоро Самсон Лукич вернулся обратно в сопровождении высокого чернобородого мужчины в белой косоротке, облегавшей под жилетом большое брюхо. Мужчина шагал через две ступеньки, на ходу влезая в рукава длинного сюртука из синего люстрина. Вокруг себя он распространял аромат ладана, жареного гуся и печеной ветчины.

Поляк встал, поправил кашне так, чтобы был виден орден, и принял монументальную позу.

– Честь имею, господа, поздравить с превеликим праздником Рождеством Христовым, – приветствовал их кухмистер, застегивая пуговицы. – Могу чем-нибудь служить?

– Можете. Покажите ему лист.

Фаберовский повелительно посмотрел на Артемия Ива-

новича и тот мгновенно извлек из-за пазухи свой открытый лист.

– Простите, как ваша фамилия будет? – Голос кухмистра дрогнул.

– Так же, как и у вас: Владимиров.

«Не делай этого, Бог накажет» – вспомнились вдруг кухмистеру слова его жены. Год назад Волжско-Камский банк объявил, что по истечении 20-летнего срока разыскиваются наследники вклада, завещанного псковским купцом 2-й гильдии Иваном Карповичем Владимировым своему сыну Артемию Ивановичу Владимирову. Банковский чиновник, искавший следы возможных наследников, нашел кухмистра Петра Емельяновича Владимирова в адресном столе и обратился к нему за разъяснением вопроса, не приходится ли он родственником пропавшему Владимирову. Дернул же черт его ляпнуть тогда чиновнику, что он действительно родственник разыскиваемого! По наведенным справкам выяснилось, что сумма вместе с наросшими за 20 лет процентами составляет круглый капиталец. С таким капиталом можно было арендовать свободный угол Невского и Литейного и составить конкуренцию Соловьеву с его ресторанами Палкина! Поиски собственно Артемия Владимирова успехом не увенчались, последний раз он наследил в Священной Дружине, после чего окончательно затерялся. За большие деньги кухмистер собрал кипу справок, устанавливающих его родство с завещателем, но адвокат банка разбил его на суде в

пух и прах. Особенный смех в зале вызвали рекомендательное письмо псковского общественного раввина Розенштейна и генеалогический труд псковского помещика, отставного штабс-капитана Бенца о происхождении рода его земляка купца Владимирова от равноапостольного князя Владимира и его ординарца Путяты. Позор был жуткий. Целый месяц петербургское купечество ходило к Петру Емельяновичу в кухмистерскую ехидствовать, благо не выгонишь, а потом поднесло к празднику образ князя Владимира, который, хочешь-не хочешь, пришлось принять и повесить в красном углу.

Неужели теперь, когда дело слегка подзабылось, Господь послал ему в качестве кары в первый день Рождества самого наследника, да еще не абы как, а в лице агента полиции с открытым листом от директора Департамента и в сопровождении свирепого начальника, на которого и взглянуть-то боязно?

– Какого черта вам моя фамилия? – спросил сердито Артемий Иванович. – Уж не в родственники ли вы мне набиваетесь?

«Все, пропал! – обмер кухмистер. – Сейчас велят вещи собирать – и в Пересыльную. Или разорят.»

– Что ж, любезный, отвечайте, когда вас спрашивают, – велел поляк.

– Упаси Боже! – кухмистер замахал руками. – И не думал. Оно как-то само так вышло...

– Дошли до нас сведения, – начал поляк, – что этим летом вы, как бы это помягче сказать...

– Да вы не тревожьтесь так, Петр Емельянович, – сказал швейцар. – Господа полицейские пришли вас насчет инженера Варакуты спросить.

– У нас есть сведения, что вы этим летом познакомились с проживающим напротив капитаном Варакутой и имели с ним довольно близкие отношения, как с предполагаемым женихом одной из ваших дочерей.

Глупая улыбка расплзлась по лицу кухмистера, он понял, что полиция пришла не по его душу и, вероятно, не знает ничего про историю с наследством.

– Он ко мне только кушать ходит, – сказал кухмистер Владимиров. – А никаких отношений у меня с ним не было. Да и может ли здравомыслящий человек наметать себе в зятя такого вора и пройдоху, как инженер Варакута? На нем же клейма ставить негде!

– Что вы можете рассказать о нем?

– Да ничего ровным счетом. Живет он в доме напротив, ходит ко мне обедать, служит на Патронном заводе. И денежки у него имеются: обеды не рублевые заказывает, а по полтора-два рубля, с вином. А на дочек моих он и внимания не обращает, да и им он не нравится. Они говорят, что он спесивый, в сторону женского полу и не глядит. – Кухмистер подумал вдруг, что если сумеет окрутить Артемия Ивановича с одной из дочек, то можно взять сокрушительный реванш

за свой позор. Лишь бы только это был тот самый Артемий Иванович. И Боже упаси, чтобы он не был женат!

Набрав в грудь воздуха, кухмистер спросил, покрываясь от волнения испариной:

– А вам, господин Владимиров, позвольте спросить, Иван Карпович Владимиров из псковского купечества, известный в прошлое царствование поставщик снетков, сродственником не приходится?

– Как же, батюшкой он мне покойным приходится. А Кондрат Поросятьев – дядей, потому как его родная сестра была моей матушкой. А вы что, знавали моего батюшку?

– Знавал ли я вашего батюшку! – расцвел кухмистер. – Да у меня в кухмистерской в честь вашего батюшки щи «Владимирские» со снетками по постным дням! Какой был человек! Да вот у меня даже фотографическая карточка с ним сохранилась. И что же, род его именитый купеческий множится и продолжается вашими стараниями? Поди уж, и внуки у него имеются? Ах, как жалко, что не дожил Иван Карпович до внуков, то-то бы он радовался, внуков пестовал!

– Не женаты-с мы, – отрезал Артемий Иванович. – Разве на государевой службе остается время на семейную жизнь?

– Это верно, – кивнул кухмистер. – Дозвольте вас вместе с его превосходительством вашим начальником к себе пригласить к обеду. Редко когда такие персоны посещают наше заведение.

– А что, почему бы и нет... – сказал Артемий Иванович,

потирая руки. – Пойдем?

– Некогда нам сегодня по обедам ходить, – отрезал Фаберовский. – Как-нибудь в следующий раз.

– Тогда осмелюсь просить завтра пожаловать, – кухмистер знал, что нельзя упускать случай. – Уважьте старика! Обед будет исключительный, можете не сомневаться. Сам к плите встану ради такого случая. Кулебяка у меня будет сверхъестественная...

Артемий Иванович посмотрел вопросительно на поляка. Кухмистер тоже посмотрел умоляюще на Фаберовского, а потом вдруг вскочил с табуретки и, бормоча под нос: «Сейчас я карточку принесу, не извольте сомневаться», побежал вверх по лестнице за бумажником.

– У нас к вам поручение будет, – сказал швейцару поляк. – Наблюдайте за тем домом напротив да примечайте, кто туда ходит, да каких полков. Особенно нам интересен тот капитан-семеновец. Да записывайте все для памяти, чтобы не забыть. Вот вам гривенник – на тетрадку. За благодарностью с нашей стороны дело не станет, особенно если что интересное приметите.

– Рад стараться, ваше превосходительство!

– Вы только поглядите на эту фотографическую карточку! – вернулся кухмистер с фотографией кабинетного размера в деревянной рамке. – Вот ваш батюшка, а это ваш покорный слуга с лупой. Это мы с ним на комиссии по назначению вашего батюшки поставщиком императорского двора.

– Не помню, чтобы у батюшки такое звание было, – усомнился Артемий Иванович, глядя на скверное фото с двумя склонившимся над столом фигурами, больше похожими на хирургов в ординаторской, чем на купцов. – Мне бы сказали.

– Так не выгорело дело. Но кандидатами мы состояли.

– Что, сметки мелковаты оказались? – спросил поляк. – Даже в лупу не разглядеть?

– Мне бы вам два слова наедине, ваше превосходительство, – засуетился кухмистер. – Позвольте в кухмистерскую зайти.

Он отпер дверь ключом, и они вошли в темную прихожую с гардеробной и стойкой для галош.

– Ваше превосходительство, – зашептал кухмистер поляку, прикрыв дверь. – Дозвольте вас персонально с праздником поздравить.

В ладонь поляку всунулась бумажка.

– Окажите честь, завтра к нам на обед, с вашим подчиненным... Мое семейство в долгу перед вами до моей гробовой доски будет!

– Сколько там, у меня в руке?

– Пятьдесят рублей.

– А чего же ты, шельма, фотографическую карточку поддельную показываешь? Почему в комиссии по назначению поставщиков двора сзади у стенки шкаф с клистирами стоит?

В темноте щелкнула застежка бумажника, и лихорадочно

зашелестели бумажки.

– Еще пятьдесят, – сказал кухмистер. – И вот еще бутылочка коньяку шустовского, ради праздника.

– Ну, и тебя с праздником. Ко сколько пожаловать?

– К шести часам.

– Ну жди, шельма. А карточку-то порви да сожги.

Выйдя из кухмистерской и дождавшись, когда Петр Емельянович поднимется к себе в квартиру, Фаберовский с Артемием Ивановичем подошли к швейцару и поляк спросил:

– Скажи, Лукич, как бы нам дом напротив осмотреть, с листом не представляясь? Может, с дворником можно договориться?

– Да дворником там Андрейка Мухоморов, которого украли, разве с ним договоришься? – махнул рукою Лукич.

– А если, Степан, мы туда как дезинфекторы? – предложил Артемий Иванович.

– Холера-то кончилась! Да и не знает нас тут никто.

– А мы туда, как к племяннику пристава Бирона. Помнишь, не хотел он нас в лавку пускать, артачился?

– Неплохая идея, – согласился Фаберовский. – В следующий раз сразу с гидропультom приедем. Лукич, где бы нам закваски раздобыть?

– Так я вам из кухмистерской вынесу. Много надо?

– Кружки хватит. Только незаметно.

Лукич открыл своим ключом дверь в кухмистерскую и вернулся с повязанным сверху тряпочкой горшком дрожжей.

– Если отливать – заметят, – пояснил он. – А так целиком дрожжаник пропал, ну и ладно...

Они взяли у швейцара горшок и сквозь вьюгу направились с ним во двор дома Балашовой. За метущим снегом было видно, как дворник Мухоморов ковыряется с лопатой в подворотне, мешая свободному входу во двор.

– В тот раз у нас штукатурка была, – крикнул Артемий Иванович сквозь ветер, останавливаясь посреди улицы на рельсах конки. – А сейчас как?

– Еще и лучше, – ответил Фаберовский, наклоняясь к уху Владимирова и прикрывая от снежной крупы рот. – Насадика мне на голову ком снега, только осторожней, да встань слева от ворот.

Артемий Иванович отдал горшок поляку, подобрал слезавшийся ком снега и водрузил его на шапку Фаберовского. Затем забрал горшок с дрожжами и встал в сторонке. Придерживая ком на голове, чтоб не сдуло ветром, поляк подошел к дому и, встав в воротах, закричал противным склочным голосом:

– Где этот дворник!? Мерзавцы! Вот как сейчас позову околоточного!

Мухоморов испуганно уронил лопату в снег.

– Ты тут дворник?! – набросился на Мухоморова Фаберовский. – Почему у тебя снег на крыше неубранный?! Экий ком на голову свалился! Едва не убил!

Перепуганный дворник подхватил лопату и метнулся вниз

во дворницкую.

— Да ты как смеешь! — заорал на дворника поляк, спустившись на пару ступенек следом и загородив собою от Мухоморова вид через дверь в подворотню. — Ты знаешь, кто я такой? Я в городской Санитарной комиссии служу! Антисанитарное состояние нарушаешь?! Вот я у вас в доме проверку устрою, то-то твоя хозяйка будет довольна!

Почувствовав, как сзади Артемий Иванович похлопал его по плечу и поняв, что дело сделано, Фаберовский смягчился:

— Вот что, любезный, ступай сей же час на крышу и убери снег, пока еще кого-нибудь не зашибло.

* * *

— А что, пан Артемий, если дрожжи не подействуют? — спросил Фаберовский, когда они дошли до Литейного и встали погреться на углу у жаркого костра, у которого уже сидели на корточках двое извозчиков и приплясывал закутанный в башлык пожилой городской. — В тот раз лето было, жара. Выгребная яма и без дрожжей могла вспухнуть. А ныне такой мороз!

— Пятьдесят лет на свете живу, а не запомню таких морозов, — согласился городской, хлопая себя по бокам меховыми рукавицами.

— И ведь почитай, третью неделю без передышки жарит, — поддакнул один из извозчиков, не поднимаясь с корточек.

– Замолили, братцы, нынче трактирщики Бога, – сказал второй извозчик. – Сколько за день чая в трактирах выпьешь – страсть просто!

– И дровяники замолили, – сказал городской. – 50 копеек сажень березовых!

– Мороз дрожжам не помеха, Степан, – Артемий Иванович повернулся задом к огню и задрал на спину полы пальто. – Вспухнет. Вот увидишь.

– Что вспухнет-то? – спросил городской. – Ежели дрожжи в выгребную яму уронили – точно вспухнут. Вы бы в ассенизационные обозы съездили к золотарям, пусть очистят, пока не поздно. Эй ты, желтоглазый! Ну-ка, свежи мигом господ в обозы на Пески.

Стало ясно, что городской от них так просто не отстанет.

– Это чья карета? Твоя? – спросил Фаберовский у извозчика, натягивавшего рукавицы. – Нет? А чья тогда? Мы на карете поедem.

Поляк отвел в сторону второго извозчика и после долгих споров – тот решил, что его заставят возить дерьмо, – подрядил за пять рублей на весь день.

– Не видать мне седоков по такому морозу, – вздохнул отвергнутый «ванька». – Самое бы дело сделать еще один конец да в трактир.

Он забрался в санки, хлестнул лошадь и со словами «Ну, ты, живая! Разогревайся!» уехал. Кучер извозной кареты достал из-под козел мешок с соломой и стал менять подстилку

на полу.

– Так, значит, в обозы не поедем? – спросил он еще раз, перед тем, как закрыть дверцу.

– В Семеновский полк поедем, – ответил Артемий Иванович. – За любовником ихней жены следить будем. Да что ты, Степан, локтями толкаешься?! Лучше бутылку открывай.

Увязая колесами в снегу и с трудом пробираясь через заносы, в час извозчичья карета добралась до Семеновского плаца. Велев извозчику остановиться у полковых ворот на Звенигородской, они поочередно стали прикладываться к бутылочке шустровского коньяка, так, что едва не пропустили момент, когда капитан вышел после банкета в офицерском собрании на Загородный, придерживая рукой шашку на боку.

– Езжай за тем капитаном, – забарабанил в переднее стекло Фаберовский, когда капитан подозвал «ваньку» и покати́л в сторону Забалканского проспекта.

Маршрут праздничных визитов капитана был запутанный и хаотичный. Он то и дело останавливал извозчика и исчезал в каком-нибудь доме минут на десять, так что спустя четыре часа в списке посещаемых набралось восемнадцать фамилий. В действительности их должно было быть девятнадцать, но один генерал-майор умудрился в сочельник помереть, и капитан успел лишь, не слезая с извозчика, снять шапку, когда после короткой литии выносили тело. Из одного дома он вышел с большим, завернутым в коричневую бумагу круг-

лым предметом, а закончил свое путешествие на Миллионной.

Фаберовскому и Владимирову пришлось встать за Зимней канавкой у казарм Преображенского полка, откуда, несмотря на метель, были кое-как видны ворота с калиткой в ограде, ведущие во двор штаба. Здесь капитан пробыл полчаса. Наконец он явился вновь и с трудом взобрался в санки. За целый день визитов он сильно нагрузился спиртным, и теперь едва сидел на узком сиденьице, обхватив круглый предмет, похожий на глобус, руками.

– Может, вас веревочкой подвязать, вашбродие? – спросил извозчик, но капитан ничего не смог ответить. Извозчику с трудом удалось от него добиться, куда же ехать дальше. Сани переехали канавку и покатили мимо поляка и Артемия Ивановича по Миллионной в сторону Летнего сада.

Тут выяснилось, что их собственный экипаж стоит передком не в ту сторону, колеса вмерзли в лужу, которую успела напустить лошадь, шустовский коньяк закончился, а сам кучер, надев на голову своей кобыле торбу с овсом, ушел в буран с ведром за водой.

– Степан, давай за капитаном не поедем, – сказал Артемий Иванович. – Вишь, он домой поехал. Поехали тоже!

– Я полагаю, что он только что был дома, – возразил поляк, очередной раз протирая от снега очки. – Он вышел в другой шинели и без шашки. Да и этот круглый предмет смущает. Может, он бомбу поехал снаряжать?

Фаберовский выпрыгнул из кареты и замахал рукой проезжавшему мимо извозчику. К счастью для поляка и Артемия Ивановича, везший пьяного в дугу капитана, ванька ехал тихонько, боясь вывалить его высокоблагородие из саней, и уже у Фонтанки, в темнеющей снежной мгле они догнали преследуемых.

Когда капитан повернул с Гагаринской на Шпалерную, у них возникло предположение, что он направляется в тот самый дом, где живет Варакута и Череп-Симанович. Артемий Иванович тут же предложил высадиться у кухмистерской и подняться к Владимирову, откуда можно в тепле и уюте наблюдать за домом Варакуты, а заодно и восполнить иссякшие запасы коньяка. Однако извозчик проехал мимо, а капитан даже головой не шелохнул. Миновав Смольный монастырь, санки с офицером съехали по деревянным сходням на невский лед и поехали по отмеченной редкими масляными фонарями дороге, накатанной санями до вокзала Ириновской на противоположном берегу.

На Неве ветер задувал еще сильнее и Сеньчуков проснулся.

– Драндулей, драндулей! – забормотал он. – Подумаешь, цифрой ошибся! Самому тебе драндулей!

Заслышав его бормотание, извозчик обернулся и сказал: – Рупь накинете, барин, я вам чего скажу... Не-е-ет, полтинничек не сходно будет. Рупь. Мое слово твердо. Если вы оглянетесь, то увидите санки, которое за нами едут. Так они

за нами от самого Семеновского полка следуют. Только они сперва в карете ездили, а на Миллионной на санки сменили. Вы в какой дом с визитом пойдете, они тотчас к дворнику, и все про вас расспрашивают. Я, как они в дворницкую зайдут, у ихнего извозчика спрашиваю: что, говорю, баре-то тебе заплатят? А он мне: баре мои развеселые, одна надежда, что в Рождество не обидят.

– Стой! – крикнул капитан и, встав коленями на сидение, вперил взор в снежную круговерть. Вскоре из нее вынырнул еще один извозчик с двумя седоками и остановился шагах в пятидесяти. Сеньчуков вылез из санок и утер лицо снегом. Ветер сдул оставшийся в одиночестве круглый предмет с сидения, тот упал на лед и покатился по снегу, так что капитану пришлось бросился на него плашмя, чтобы остановить его прежде чем он наберет скорость. Тем временем извозчик преследователей слез с облучка и нацепил лошади на морду торбу с овсом.

– Они из полиции? – испуганно спросил Сеньчуков у своего извозчика, забираясь вместе с предметом обратно в санки... – Агенты?

– Непохоже, – пожал плечами тот. – Уж больно веселятся. А агентам чего веселого – за вами в такую погоду следить? Может, они вас хотят почикать? Самое подходящее место.

– Так что же ты встал! Гони! – крикнул капитан.

– Какое «гони», барин! – ответил извозчик укоряюще. – Я с вами целый день по визитам езжу, лошадь не кормлена

совсем. Бог даст, своими силами до берега доплетется, а вот взъедет ли или подталкивать придется – не знаю. Съезды в этом году крутые выстроили, ломовики так вовсе взобраться с грузом не могут.

– ...еич! – окликнул его «ванька» преследователей. – Клячу-то покорми покуда! Моя вот все уже, на прикол встала!

Минут пятнадцать противники стояли посреди Невы, заметаемые бураном, пока лошади набивали свои утробы овсом. Капитан, укутав свой таинственный предмет полостью, осатанело бегал вокруг жующей кобылы, кляня себя за то, что не взял револьвера или хотя бы шашку, а со стороны преследователей доносились взрывы хохота – это Артемий Иванович рассказывал о том, как он ходил сегодня утром в церковь. Извозчик ушел в пургу покалякать с товарищем, а заодно и спросить, не замышляют ли его седоки против капитана худого. Вернулся он весьма скоро.

– Плохи дела, барин, – сказал извозчик дрожащему от холода и страха капитану, забираясь на козлы. – Пожалуй, ехать надо. Я сейчас своими ушами слышал, как один из этих двух говорил другому: «Давай, стало быть, пока чухонцев нету, отведем капитана за «кабаны» да и утопим в мойне.» – Он показал кнутовищем туда, где сквозь выюгу виднелись ряды ледяных глыб. – «И полдела, считай, сделано. Останется только заговор на Государя, да это не наша забота. Для того другие люди имеются.» А второй ему отвечает: «Видали, какой скорый! У нас еще на Шпалерной куча дерьма своего

часа ждет. Уж заварили кашу, так придется расхлебывать». Ты, барин, как в участок приедешь, сразу приставу обо всем скажи! Заговор на Государя! И тебе какое благодарствие за спасение царя-батюшки выйдет, да и меня, может, не забудешь. Меня Панфилом звать, в извозничьем дворе Зубкова на Лиговке меня все знают.

Капитан вскочил в санки, огрел извозчика промеж лопаток, тот хлестнул лошаденку, и погоня возобновилась. Скоро впереди замаячило в буране черным пятном деревянное здание пристани на плашкоуте, вытасенном на берег, а там и железнодорожный вокзал. Дальше путь пролегал уже по берегу, по Горушечной улице, и извозчики прибавили ходу, не боясь более заблудиться в пурге.

Все закончилось у крыльца Полуостровского участка. Капитан скрылся за дверями, Артемий Иванович велел извозчику вместе с Фаберовским обождать его вдаль, а сам направился к капитанскому «ваньке», который все еще стоял у участка, поправляя упряжь, чтобы допросить его. Поляк увидел, как внезапно двери участка распахнулись и из них вывалило человек десять городских, которые мгновенно скрутили Артемия Ивановича и уволокли к себе в логово порядка и законности.

«Выкрутится», – подумал поляк, нащупав у себя за пазухой оба открытых листа, и велел везти его обратно на Конюшенную.

– Настасья! Пора уже ставить самовар!

Полюстровский пристав Сеньчуков, плотный лысеющий подполковник в темно-зеленом полицейском мундире захлопнул дверь на кухню и пошел по лестнице на второй этаж. Остановившись перед чучелом громадного медведя на площадке, державшего в лапах пепельницу, Сеньчуков вздохнул и покачал головой.

– Хорошо тебе, Потапыч, стоишь себе на лестнице, скалишься. Разве что мошь жрет. А у меня полная столовая сродственников... понаехали. Век бы глаза мои их не видели... А надо идти...

Пристав вздохнул, и поскрипел дальше по лестнице юфтевыми сапогами. Пройдя через узкие темные сени, отделявшие столовую от гостиной и увешанные шинелями и дамскими шубами, Сеньчуков откинул тяжелую портьеру и вошел в столовую. Стоя в дверях, он придирчиво оглядел ее. Большой овальный стол был накрыт на 13 персон, посреди на блюде стоял запеченный кабанчик, украшенный зеленью, рядом селедочница с плохо вычищенной селедкой, фарфоровая супница и бутылки с вином и водкой. В углу, рядом с дверью в детскую подвывала изразцовая печь, облицованная дешевой белоглазированной финляндской плиткой. Большой буфет с треснутым стеклом и обколотыми углами

был уставлен бутылками банкетного пива, три ящика которого – 90 бутылок, – было прислано от конторы «Новой Баварии» лично приставу к Рождеству. А полуящик темного «Шпатенбрея» он припрятал у себя под кроватью в спальне, рассчитывая употребить его со своим большим приятелем Резвановым, брандмейстером Охтинской пожарной команды, когда все наконец съедут.

Все семейство, кроме брата пристава, было уже в сборе. Жена капитана Сеньчукова, унылая рыхлая особа в полтора охвата, сидела, скучаяще глядя в потолок, оба ее отпрыска носились из столовой через сени в гостиную с сыновьями младшего Сеньчукова, Сергея, чиновника в Военно-окружном суде. Сам Сергей, расстегнув верхнюю пуговицу мундира, сидел, развалившись, в кресле, предназначенном для маман, и что-то говорил присевшей рядом жене. Жена пристава, Ольга Иосифовна, сидела отдельно ото всех, меланхолично, с отрешенным лицом причесывала дочку Машу и вспоминала своего нового знакомого, графа де Спальского.

Вдоль увешенной фотографиями и картинками стены медленно, опираясь на клюку, передвигалась мать пристава, вдова генерал-майора Сеньчукова, Марья Ивановна. За нею хвостом ходила единственная и все еще незамужняя дочь Вера.

– Акуловой Маньке кирасир на коне явился, встал по ту сторону зеркала, ус подкручивает эдак загадочно... – говорила дочь мамаше, поддерживая маман под локоток.

– Кирасир-то знакомый?

– Манька говорит, что не признала. А я не видала. А дочка госпожи Ефимовой сказала, что это был корнет Борхвардт.

– А ей-то самой чего привиделось?

Дочка прыснула в кулак и зашептала матери что-то на ухо.

– Да ну, Вера, не может быть! – сказала генерал-майорша. – А с виду такая скромница... Ну, а тебе чего явилось?

– Ой, маменька, и сказать страшно...

– А ну-ка рассказывай, как на духу...

– Явился мне в зеркале представительный чиновник, солидный, с бакенбардами, в тужурке...

– В каком чине был – разглядела?

– Три больших серебряных звезды на петлицах.

– Тайный. А шитье рассмотрела?

– Петлицы бархатные, темно-зеленые, с дубовой веткой. И лацканы у тужурки темно-зеленые. А приборное сукно малиновое...

– Межевое ведомство Министерства государственных имуществ, – вынесла вердикт многоопытная Марья Ивановна. – Повезло тебе, Верочка.

– Вы дальше слушайте, маменька. Говорит он мне: «Здравствуйте, Вера Александровна», и фуражку снимает. А под фуражкой рога козлиные.

Генерал-майорша перекрестилась.

«Идет, говорит, Вера Александровна, новая беда в старой личине». Повернулся, чтобы уйти, а у него из-под тужурки

хвост коровий висит!

– Александр Захарьевич как живой на нас смотрит! – сказала мамаша, взглянув на висевший на стене столовой на самом видном месте портрет, изображавший ее саму вместе с покойным супругом на фоне ворот Верхнего сада в Петергофе. – Старая беда, говоришь...

Марья Ивановна увидела старшего сына в дверях столовой и вдруг неожиданно накинулась на него:

– Почему ты опять повесил эту дурацкую карточку, на которой ничего не разглядеть? – она ткнула пальцем в небольшую выцветшую и пожелтевшую фотографию в дешевом паспорту.

– Ты же знаешь, это с Читы единственная карточка моя осталась, когда есаул Долбаев снял меня с моими казаками после облавы на спиртоносов на золотых приисках в верховьях Индигирки. Ну, разве что вот та еще, где я на Грошике. – Он показал на фотографию, где он в мундире войскового старшины восседал на маленьком мохнатом жеребце.

– Мне больше нравятся твои последние, – сказала мамаша, сунув костыльком в угол, завешенный групповыми фотографиями важных персон со свитами у медвежьих туш. – Только тебя на них нету.

– Ну, маман, разве нужен был германскому послу Швейницу или секретарю Половцеву на фотографической карточке полицейский пристав?

Судейский поднялся из кресла и встал за спиной у мама-

ши.

– Надо было увековечиться, Иван. Вон лакей-то с шубами попал в историю. И ты бы рядом пристроился. Все-все! Умолкаю и иду курить к медведю.

Сергей вышел через сени на лестницу и спустился к медведю, где стоял заботливо вынесенный табурет и бронзовая пепельница на полу. Снизу из кухни доносилось шипение сковород на плите и грохот кастрюль и ушатов. Городовой, засыпанный снегом, вошел с улицы, обеими руками обнимая четверть мутного самогона, выставленную в снег для охлаждения, и важно прошествовал в помещения казармы. Затем в дверях возник молодой румяный парень, по виду приказчик, с сахарной головой в голубой бумаге и с холщовой сумкой, из которой торчали полдюжины бутылок шампанского. Он потоптался, приглядываясь к судейскому, потом вдруг расцвел и со словами «Иван Александрович, как вы помолодели, едва признал!» поднялся по лестнице и вручил Сергею голову и шампанское как подарок от владельца трактира «Акрополь». Вслед за приказчиком явился неразговорчивый чухонец с короткой глиняной трубкой в зубах, долго рассматривал судейского, потом так же молча поволок баклагу с молоком и кусок масла в чистой холстинке на кухню. Затем – молодая дама, которая срывающимся от волнения голосом спросила, не здесь ли живет жена директора Департамента полиции.

– Он так молод, умоляю вас, скажите ей, что он невино-

вен.

– Первый день творения! – всплеснул руками судейский. – А кто вам сказал, милая барышня, что жена Директора департамента живет здесь?

– Мне в городе об этом сказали...

– Ничего не скроешь! – сально ухмыльнувшись, сказал Сергей. – Впрочем, зачем вам моя жена? Вся эта механика в моей власти. Пойдемте в кабинет, мы с вами сейчас быстро этот вопрос решим.

Он спустился вниз, но тут дверь опять распахнулась, и в участок ввалился в облаке морозного пара отец Серафим Свиноредский. Сзади проскользнул дьякон с крестом и иконами, завернутыми в покров.

– Пристав-то где? – спросил священник у судейского. – Скажите ему, что я с дьяконом пришел славить.

– Какие же дары принесли вы, батюшка?

– Святые, охальник! – огрызнулся поп. – Живо зови пристава.

Полицейский участок в жизни российской всегда был местом особенным, туда даже Христа славить по доброй воле никто не заходил. Исключение составляли те, кому это было положено по долгу службы, а именно священники и дьяконы ближайших к участкам церквей. В Полюстрово такой церковью была деревянная церквушка во имя Сретения Господня на Варваринской улице. Обойдя пивоваренный завод «Новая Бавария», отец Серафим Свиноредский и дьякон Семен

Верзилов явились в участок, уже не очень твердо держась на ногах.

Заслышав знакомые голоса, пристав сам вышел навстречу отцу Серафиму и подошел под благословение.

– Нефедьев-то где? – спросил священник. – За елкой ушел? А как же вы тут-то? Надо бы табурет какой. Да нет же! Иконы и дьякон подержит. Под меня. «Бавария», понимаете, подкосила, – объяснил фальцетом батюшка пристава. – На канатной-то мануфактуре басурманин управляющий, полушки от него не дожدهшься, а на Охтинской и того чище, вот уже третий год на «Баварии» все и заканчивается. Там хотя и тоже басурмане, но наши обычаи чтят. Мы же с нею почитай почти на одной улице, нам сам Бог туда ходить велел.

Они отслужили положенное внизу, окурили казарму городовых, арестантскую, дежурную, кабинет пристава и канцелярию, и, даже не заглядывая на кухню, с трудом полезли по лестнице на второй этаж, где, как они знали, их ждало праздничное угощение.

– Чего не начинаем? – спросил отец Серафим, благословив всех в столовой.

– Братца ждем, – сказал судейский, спеша занять свое место. – Навизитничался в зюю, наверное, вот и не едет.

В столовую вбежала вся в слезах дочка пристава и уткнулась лицом в подол матери.

– Папенька, – тотчас подскочил к отцу старший из его сы-

новей и с восторгом доложил: – Я только что с Машенькой совершил деяние, попадающее под статью 993 Уложения о наказаниях

– Чего-с? – побледнел судейский.

– Это что же за статья? – спросила Марья Ивановна, приподнимаясь в креслах.

– Да та самая, матушка, – также приподнимаясь, сказал Сергей и прихватил отпрыска за ухо. – О растлении малолетних.

– Вот он, сон-то твой, Верочка! – ахнула Марья Ивановна, все перекрестились, лицо Ольги Иосифовны перекосила гримаса ненависти, а сам пристав до белизны сжал кулаки и закусил губу.

– Ты чего там натворил, стервец? – взвизгнул судейский и очень больно дернул сына за ухо.

– Я ей сказал, что непорочных зачатий не бывает, просто мужьям надо получше за женами приглядывать.

– Это же 183 статья, молодой человек! – сплюнул пристав и растер плевков сапогом.

– Яблоко от яблони недалеко падает, – заметил отец Серафим. – Кошунственная семейка какая...

– Вот дурень! – вздохнул облегченно судейский.

– Прошу всех к столу, – поспешила объявить генерал-майорша. – Александра одного ждать не будем.

Дети были приведены из детской и все, повторяя за отцом Серафимом слова «Отче наш», прочитали молитву и сели.

– Мне светлое пиво не очень нравится, – сказал батюшка судейскому, с которым оказался рядом за столом. – Я больше «Мюнхенское» люблю, а паче того «Шпатенбрей». Странно, что Ивану Александровичу его не прислали, я знаю, что он тоже его любит. Мне вот полуящик от управляющего прислали, а попадье полуящик фруктового меда. Только пиво, оно, знаете ли, голос разжижает, а водочка благородная басит, без нее в голосе одна сипотина. После «Баварии» у нас с дьяконом никогда октава не складывается, а ведь и мы должны свой хлеб насущный в поте лица отрабатывать... Не нальете ли мне, чадушко, вот сюда?

– А разве духовным чинам на службе это дозволяется? – спросил судейский, налив только себе.

– Дозволяется! – побагровел отец Серафим. – И не крапивному семени меня учить! Потому, как и на вас тоже есть управа!

– Отец Серафим, батюшка, не сердитесь на моего брата, – сказал пристав. – Он всегда был брызгой и невежей.

– Не сердитесь! Не сердитесь! – ворчал поп. – Не налил, а! Как тут не рассердишься! И всякий норовит умствовать! И веруют-то теперь все не по Закону, а как Бог на душу положит!

– И правда, батюшка, при Николае Павловиче о таком и помыслить никто не мог! – сказала генерал-майорша.

– Я вам, Марья Ивановна, на это такую историю расскажу: мой отец, тоже приходской священник, за такие умство-

вания, какие тут ваш сынок изволит умствовать, одного помещичьего сынка прямо у себя в приходской церкви высек. Разложил на аналое, и по заду цепью от кадила!

– И что же полиция на это? – спросила Марья Ивановна.

– Да ничего, – ответил отец Серафим. – Зуботычин еще недорослю за вольнодумство добавили да к папаше на поруки отпустили. Потому как три основы русской жизни суть царь, полиция и вера. Не зря же слова Государь, Бог и Участок принято писать с большой буквы.

– Ни разу не видел участок, написанный с большой буквы, – ехидно сказал судейский, наливая, однако, в поповую рюмку.

– Я вижу, не хотите внимать моим увещаниям, молодой человек, – отобрал у судейского бутылку батюшка. – Да будет вам известно, за мною сам Константин Петрович, обер-прокурор Синода, между прочим, сюда, в Полюстрово посылал, чтобы я из его квартиры на Литейном мучившего его по ночам своими кознями нечистого духа изгнал.

– Изгнание нечистого духа духом пивным и водочным, – не удержался судейский.

– Константин Петрович и отца Иоанна из Кронштадта приглашал, – возвысил погустевший от водочки и гнева голос отец Серафим. – Тот и святой водой кропил, и молебен в комнатах служил, ан нет – как ночь пришла, чудовище это когтями своими опять сорвало одеяла с Константина Петровича. А я его одною молитвою на месяц уgomонил. Теперь

меня каждый месяц по двадцатым числам к нему в квартиру приглашают.

– Насчет Константина Петровича – это чистая правда, Сереженька, – укоряющее сказала Марья Ивановна. – Не забывай, что ты всего лишь надворный советник, и никто за тебя вступаться не будет. Пообещай лучше, Сереженька, отцу Серафиму пожертвовать на его церковь.

– Ах, ваше преподобие, – поклонился священнику судейский. – Как я счастлив, что существует столь простой способ загладить наши погрешения.

– Всякое даяние благо, – уже добродушнее сказал поп. – Только не забудьте. Я вам вот что скажу, молодой человек. У вас, у образованных, принято над верой надсмехаться. Но вот взять, к примеру, таинство миропомазания. Разве не уберег Господь Государя, помазанника своего, в Борках, и ранее, при злоумышлении 1 марта?

– Тогда почему же Господь батюшку государева не уберег? Он ведь миропомазанный был.

– Миропомазанный, – согласился отец Серафим.

– Тогда как же его убили? – встрял вдруг дьякон Верзилов, перестав жевать капусту.

– Видать, не тем помазали, – сказал судейский.

– Да как же не тем! – вступилась генерал-майорша. – При Николае Павловиче это было, тогда чем попало не мазали!

– Да как же маменька, при Николае Павловиче, когда Александра Николаевича помазали, когда Николай Павло-

вич в бозе почил!

– Дурак ты, Сергей! – сказала Марья Ивановна. – Миро-то при Николае Павловиче еще изготовили!

Опасный философский спор сей прерван был самым неожиданным образом – в столовую ворвался едва державшийся на ногах гвардейский капитан с глобусом, с порога сунул его Ольге Сеньчуковой, сказав, что это от тестя детям, и объявил приставу, что только что у дверей участка арестовал человека и должен его допросить.

– Вот, ваше преподобие, вся наша юридическая система в лицах, – тихо сказал судейский отцу Серафиму. – Брат пристава по своему желанию взял и арестовал человека!

– Так это брат Ивана Александровича? – удивился священник. – Мне кажется, что я его где-то недавно видал. Кажется, я даже догадываюсь, где... Мог бы по фамилии догадаться...

– Да-с, наш средненький, Сашенька.

Пристав вскочил и зло стукнул по столу кулаком, так, что тарелки подпрыгнули и расплескалось вино в бокалах. Ольга Иосифовна попыталась удержать его за руку, но он грубо оттолкнул ее и сказал через стол:

– Ты, Александр, пьян. Какое право ты имеешь своевольничать у меня на участке?

– Это заговорщик, Иван! Если бы я пошел за разрешением к тебе, он бы сбежал!

– Уймись! – прикрикнул пристав и вновь грохнул кула-

ком.

Заплакала Машенька Сеньчукова, уткнув лицо в юбку матери, старший сын капитана в испуге прикрыл глаза, а сын судейского потер занывшее ухо. Уж он-то знал, что дядя Ваня тоже горазд ухи драть. И только отец Серафим сразу понял, что его пьяный собрат по Доброхотной лиге всерьез перепуган, и за его утверждением об арестованном заговорщике может крыться что-то серьезное.

– Да где же схваченный-то? – спросил он у капитана.

– Там внизу два городских ему руки заломали.

– Иван Александрович, надо бы сходить, – обратился к приставу батюшка. – Если человек невинный, извиниться надо и отпустить с благословением, что же невинному человеку в светлый праздник в кутузке сидеть. А коли преступник, его надо в арестантскую запереть – у городских сегодня тож праздник.

Тяжело вздохнув, пристав выбрался из-за стола, взял брата за плечо и они пошли вниз. Следом и все остальные потянулись, оставив в столовой только детей с Ольгой Иосифовной и капитаншей, да судейский отказался участвовать в балагане.

Заговорщик был совершенно замерзшим и нестрашным, в скромном пальто с телячьим воротником, в потертой, но приличной барашковой шапке и в сапогах без калош.

– Мы, ваше высокоблагородие, несли с Пятаковым к вам наверх самовар, когда ваш брат с шаром цветным набежали

и велели этого господина споймать, — сказал один из державших задержанного городовых. — А что с ним дальше делать, — не сказали.

— И в чем же перед тобой провинился этот человек, Александр? — спросил пристав.

— Я его убью!

— Зачем ты велел его арестовать?

— Он мерзавец!

— С чего ты взял?

— Пусти, а то вырвусь!

— Если не ответишь, тебя самого велю в кутузку посадить!

— Он следил за мной!

— А может, ты ему должен?

— Целый день! Куда я — туда он, куда я — туда он. Да я из-за него чуть глобус не потерял! Ты посмотри на его наглую рожу! Сейчас заеду! Пусти!

— Кто вы такой? — спросил пристав у задержанного, поняв, что иначе брата не утихомирить. — И что вы делаете в Плюстрово?

— Же не компран па, — грустно ответил Артемий Иванович и разразился длиннющей тирадой по-французски.

— Чего такое?! — взорвался капитан, вырвался из рук пристава, и перед носом Артемия Ивановича замаячил кулак, обтянутый лайковой кожей перчатки.

— Нон, нон! — Артемий Иванович пальчиком отвел кулак в сторону и пояснил: — Альянс!

– Что за черт! – сказал пристав. – Кого ты приволок за собой, Александр?

– Ничего не понимаю, – пробормотал капитан. – Чего он говорит? По-французски, а ни слова не понять...

– Макаров на месте? – спросил пристав у одного из стоявших рядом с Артемием Ивановичем городских. – Приведите его живо сюда!

Посланный городской тотчас вернулся из канцелярии с долговязым прыщавым юношей, исполнявшим при участке обязанности письмоводителя.

– Драздуйте, – сказал Макаров, шаркнув сапогом.

– Ты в гимназиях обучался, по-французски можешь говорить?

– У меня по ядзыкам двойка была-с, – прогундосил недоросль.

– Вот черт! Батюшка, ради Христа, может, вы по-французски разумеете?

– Нет, Иван Александрович, я не могу... – сказал отец Серафим. – В академии я французский плохо учил, вот если бы с древнееврейского или греческого толковать. Когда ваш брат поймает какого древнего грека или, Боже упаси, еврея, тут я со всем удовольствием... У нас на курсе был один грек, Папа-Никола, он был...

– Они говорят, что граф Монтебелло, – смущенно сказала приставу Вера.

– Господи, какой конфуз! – сказала генерал-майорша. –

Верочка, ты ничего не путаешь?

– Я, маменька, давно не имела практики во французском языке, – еще больше смутилась Вера.

– Граф Монтебелло – французский посол, – с убитым видом сказал пристав. – Фамилию Монтебелло он действительно произнес, значит, он жаловаться хочет.

– Сейчас я ему рожу разобью, а потом пусть жалуется, кому хочет! – выкрикнул капитан. – Они же заговор на Государя!

– Александр, успокойся, – пристав был настроен очень агрессивно, у него просто руки чесались выкинуть брата на улицу, захлопнуть дверь и забыть о нем. – Мы и так уже попали из-за тебя в неприятную историю.

– Они с сообщником хотели меня под лед пустить! И вчера у кондитерской Вебера напали! Я его узнал! Обыщи его! Я думаю, у него бомба, он хотел бросить ее в участок!

– Боже, какой ужас! – всплеснула руками Мария Иванова. – Здесь же дети! Иван, ну сделай же что-нибудь!

– Vive Ravachol! – крикнул Артемий Иванович, услышав про бомбу.

– Держите его крепче! – велел, вздохнув, пристав, и сам взялся обыскивать арестованного. Двое городских крепко взяли арестанта за плечи, а Артемий Иванович извивался и хихикал.

Найти удалось немного. Из карманов предполагаемого бомбиста было выужено и передано капитану для осмотра

дешевое клеенчатое портмоне со смутившими всех словами «От товарищей по Якутской ссылке», выведенными чернильным карандашом, фотография прилично одетой дамы на фоне Эйфелевой башни с английской подписью на обороте, горсть конфет «Ушки» и 40 рублей денег.

– Ну что, братец, а где бомба? – насмешливо спросил пристав.

– Наверное, он ее в снег бросил, – сказал капитан. – Когда его городовые вязали.

– Ну, так пойди да поищи. Заодно протрезвеешь на морозце.

– Только ты его, Иван, в кутузку посади. На случай, если найду, – капитан с ненавистью посмотрел на Артемия Ивановича и, взяв услужливо поданный городовым фонарь, вышел на улицу.

– Посадить-то я посажу, да только коньяком от этого мусье пахнет взаправдашним, хорошим, – сказал пристав, дав городовым знак отвести задержанного в арестантскую.

– К столу, обратно к столу! – возгласил судейский, и все, топоча по лестнице, полезли вверх.

– Я вам, Марья Ивановна, так скажу, – говорил отец Серафим, подталкивая генерал-майоршу снизу в поясницу. – Если у вас какой бес дома объявится, или порчу напустят – прямиком ко мне.

– Кадилом беса не отшибешь, – мимоходом заметил судейский.

– Есть у нас беда, батюшка, горе-печаль неизбывная. Вера в девках засиделась, видать, и вправду кто-то порчу навел...

– Приезжайте с ней как-нибудь после Водосвятия, я ее отмолю, – сказал отец Серафим.

– А что, батюшка, – сказал судейский, когда они сели за стол. – Вот нынче альянс с французом грядет, ходят слухи, что и военный союз будет, а тут такое неудобство: братец Александр военные действия против французского посла открыл... А как к этому православная церковь относится? Вот вы же благодарственный молебен сегодня служили в память восьмидесятилетия изгнания французов.

– Молебен я служил об изгнании двенадцати языков из пределов российских, и победили мы тогда чудом, и освободили народы европейские, поработанные революционным тираном Бонапартом, потому, что была еще сильна вера в русском народе, и молились здесь, на Руси, великие подвижники. А при таком кощунственном неверии, как я сегодня здесь имел примеры видеть, и в своих пределах не убережемся, напади на нас германец, к примеру. До самого Якутска не опомнимся!

– Так значит, по вашему мнению, отец Иоанн Кронштадтский не великий подвижник? Ну, уж одна тогда надежда, что вы успеете великим подвижником стать, прежде чем на нас нападут. Давайте, тяпнем воронцовской.

И они в полном согласии тяпнули.

– А вот и наш бомбоискатель пришел, – сказал Сергей,

ставя рюмку на стол.

– Нашел бомбу? – спросил пристав.

– В печку ее, в печку, – сказал судейский. – Нечего в доме всякую дрянь держать.

– Нет, не нашел, – уже вполне трезвым голосом сказал капитан и потер замерзшие руки. – Наверное, сообщник увез. Подельник его поодаль в извозчике сидеть остался. Видать, пока мы этого допрашивали, он ее из снега и выкопал.

– Ты хоть приметы этого второго запомнил?

– Конечно. Длинный, в шубе, в очках.

– А бляху у извозчика разглядел?

– Нет. Но мой извозчик его знает.

– А где твой извозчик? Отпустил? А бляху запомнил?

– Панфил зовут. С Лиговки. Там все его знают.

– Тьфу! Садись лучше, Александр, между отцом Серафимом и дьяконом, там тебе место оставлено.

Капитан послушно поплелся на указанное место.

– А я вас, батюшка, сразу признал, – тихо сказал он священнику. – Полагаю, мы с вами вдвоем этого заговорщика прямо к Его Высочеству должны сейчас свезти.

– Да как же вам от стола-то праздничного отрываться? Грех. Да и не в себе вы. Мне-то уж с дьяконом домой пора собираться... Обещал к Федосею Ивановичу заглянуть, но опять не дойду. Вон как дьякон-то нагрузился. Опять обида выйдет. Да и попадья дома ждет с детьми.

– Он, батюшка, меня преследовал со своим сообщником

целый день, — продолжал, не слушая священника, капитан. — Этого-то я схватил, а второй на свободе остался, бежал. Вчера-то я полагал, что они на меня на Конюшенной нападали, чтобы письмо ценное похитить, а теперь я знаю, что они не из полиции, а заговорщики.

— Вы его с утра допросите, как проспите. А потом за мной пошлите, вместе и отвезем.

* * *

Мария Павловна была настоящим центром семейных дразг в императорской семье. Она искренне ненавидела императрицу и не любила императора. Более всего ее раздражало то, что этот грубый венценосный чурбан не обращал на нее никакого внимания. Даже то, что она демонстративно 20 лет не принимала православие, его абсолютно не интересовало.

После катастрофы в Борках распространились при дворе и по всей столице слухи, будто она вскрикнула, когда узнала о случившемся крушении царского поезда: «Никогда у нас больше не будет такого шанса!» Ничего такого она не кричала. Ей и в голову это прежде не приходило. Но за то малое время, что прошло с первого известия о катастрофе до второго — о чудесном спасении, — мысль о том, что они с мужем могли стать царем и царицей навсегда запала ей в голову. Они были тогда в Париже, и после первого сообщения из

посольства о случившемся она велела великому князю срочно собираться. Они даже послали в посольство телеграмму пневматической почтой с требованием приготовить им экстренный поезд. Г-ну Рачковскому, служившему в приезды великих князей верным чичероне по злачным местам Парижа, а в оставшееся время исправно следившим за русскими революционерами по всей Европе, Мария Павловна велена установить местонахождение княгини Юрьевской и ее ублютков, и не спускать с них глаз.

Очень вскоре выяснилось, что царь и все три его сына живы, экстренный поезд был отменен, и засиявшая было вокруг ее головы царская корона потухла вмиг, как лампочка Эдисона, без дыма и копоти. В сердцах великая княгиня отодрала за волосы камеристку, а затем заставила мужа демонстративно участвовать в охотах и других развлечениях вместе с сенатором Половцевым, как будто ничего не случилось. Но с тех пор она исподволь готовила своего мужа к роли самодержца, когда завуалировано и незаметно, а когда и вполне откровенно. Поняв, наконец, чего же она от него хочет, Владимир ужасно перепугался, и стал противиться всяким разговорам, даже близко касавшимся этой темы. Когда же она однажды, после пышного приема у них во дворце в Ропше в исступлении заявила, что раз он столь мягкотел, она будет действовать как Екатерина Великая, он так ужаснулся страшных аналогий, что тотчас переехал в Царское Село, а возможный претендент на роль Орлова, полковник Нико-

лаев, уже многие годы обхаживаемый и лелеемый великой княгиней парвеню, был отправлен командовать Псковским драгунским полком в Вильно.

На некоторое время Мария Павловна утомилась, но когда в Берлине кузен Вилли сообщил им, что русские нигилисты вновь открыли охоту на царя и его семейство, она вновь воспряла духом. Целый месяц она неустанно вкладывала ему в башку, что при любом, даже самом трагическом повороте событий, он должен во что бы то ни стало сберечь себя ради Отечества, а потому он должен создать себе специальную охрану, которая будет готова за него в огонь и в воду. Она намекала на то, что хорошо бы вызвать полковника Николаева и его назначить руководить охраной. От Николаева Владимир открещивался, а прошедшей ночью, должно быть с непривычки, после говения переев, изволил лицезреть удивительный сон.

Великому князю приснилось, что ему среди ночи сообщают о мученической смерти его венценосного брата от рук заговорщиков, и о том, что сыновья его избежали злой участи. В растерянности он вскакивает с постели, а рядом уже стоит Мария Павловна с полковником Николаевым: оба с метлами, она восседает на своей верхом, и на лице ее горящими угольями сверкают глаза, а полковник Николаев – просто дворник, на лице его ничего не сияет, зато на груди ярко сияет начищенная бляха с надписью «Романовский сиротский приют».

– Вот он, – говорит Мария Павловна, – позаботится о бедных сиротках.

– Непременно-с, – отвечает Николаев, и его галантерейную рожу кривит злобещая ухмылка.

Потом великому князю приснилась какая-то череда смутной дряни, которая не запомнилась ему, и вот он оказался в Петропавловском соборе в полночь, в полнейшей тишине, и только было слышно, как в зоопарке режут слоны, а на Каменноостровском проспекте кто-то кричит: «Что же ты мне руки крючишь, некрещеная сволочь!». Он увидел три свежих могильных доски, на которых выбиты имена Николай, Георгий и Михаил. «Вольдемар, теперь ты царь», – раздался под сводами голос жены, и он ощутил на голове тяжесть короны. Двери распахнулись, и он шагнул на ярко освещенную и заполненную народом площадь перед Успенским собором. Хор грянул «Многая лета», и только чей-то противный голос по прежнему продолжал кричать: «Отпусти руки, сволочь! Не в Европах живем! У нас тут и законы писаны, и рожи синие!»

Рядом стояла Мария Павловна, еще более корпулентная и похожая на репинскую царевну Софью, только с метлой.

– Ну, пиши указ! – повелительно сказала она. – О возведении Александра Николаевича Николаева в княжеское Российской империи достоинство и определении его ко мне в законные мужья.

Кто-то подал бумагу и перо, и присев на корточки сбоку

от красного крыльца на корточках, новый государь Всея Руси начертал: «Лишить полковника Николаева дворянского звания и всех прав состояния и четвертовать его за убийство царских детей вместе с бывшей женою моею, гулящей девкой Мекленбургской-Шверинской Машкой за разврат ее и злоумышление на царскую фамилию на перекрестке Краснокабацкой и Петергофской дорог близ того места, где мы, когда в лагерь идем, попойку устраиваем. Новый царь Владимир III Александрович Просвещенный».

Проснувшись в холодном поту, он обнаружил у себя на туалетном столике рядом с зеркалом картонное сердечко с надписью по-русски «Царю моего сердца» и императорской короной, и тут же позвонил, чтобы эту гадость убрали, а ему подали халат и умыться. Было два часа ночи, и под окном кто-то кричал: «Совсем руки-ноги оторвали! Государю пожалуюсь!»

Этот дурацкий сон не шел у него из головы весь день. Вечером приехал с супругой австрийский посол Волкенштейн-Тростбург, вот уже десять лет служивший в Петербурге. Посол был своим человеком в доме, он был постоянным гостем на обедах во дворце князя, а великий князь часто навещал посла в австрийском посольстве, занимавшем шикарный особняк на Сергиевской в створе Моховой улицы. За столом Его Высочество поймал себя на мысли, что все время разглядывает жену посла как возможную замену своей порядком уже опостылевшей супруге. Графиня Мария

Волкенштейн была дамой интересной, опытной, имевшей за плечами уже второе замужество – первым браком она была за министром императорского двора в Берлине Шлейницем. Ей посвящали свои музыкальные опусы многие композиторы, сам Вагнер считал за честь быть знакомым с нею, а салон ее в Петербурге за обаяние хозяйки слыл лучшим после салона княгини Волконской. «Наверное, в ней есть какая-то изюминка, а не только сумасшедшие выверты, – подумал великий князь. – Минни же со своей идеей фикс и этим Николаевым доведут меня до могилы!»

Печалило его то, что мужа графини нельзя было отправить в Вильно командовать полком, и неудобно было как-то – Волкенштейн ему все-таки приятель. Опять же: если уж менять супругу, то на кого-нибудь помоложе, да и как графу с женой развестись, когда это им не дозволено.

– Жалко, граф, что у вас в Австрии не принят гражданский брак, – сказал Владимир Александрович.

– Возможно, что скоро и будет, по крайней мере, в Венгрии, – ответил посол. – В новом министерстве Векерле готовится закон об обязательном для венгров гражданском браке.

Владимир Александрович расхохотался:

– Вот бы наш милейший министр внутренних дел вошел бы с таким предложением к Государю, а тот возьми да и согласись! Вот была бы умора! Племянничка моего, цесаревича, придет время женить, сейчас принцессу привезут и в

Спасскую часть по месту жительства на предмет записи в матримониальный реестр! А по всей столице колокола благовестят да с крепости пушки палят: выход наследника цесаревича с молодою женою из полицейской части!

Владимир Александрович представил себе наследника-цесаревича с гессенской Алиской, которую уже несколько лет прочили ему в невесты – на полголовы выше жениха, с острым хоречьим лицом и злыми глазами. Они стояли в воротах Спасской полицейской части, и частный пристав с помощником держали над ними венцы. Потом вместо Ники он представил себя, и странное дело – невеста уже не казалась ему такой противной и злой. Прежде чем наклониться к ее розовому ушку и шепнуть ей, как она хороша на фоне этих ворот, выкрашенных казенной зеленой краской, он поправил корону, чтобы она не сползала на глаза, но его мечты развеял дворецкий, явившийся доложить, что военный агент австрийского посольства полковник Клепш просит допустить его к послу по срочной надобности.

Владимир Александрович милостиво пригласил Клепша разделить с ними их далеко не скромную трапезу – великий князь знал его с тех времен, когда старший братец был еще цесаревичем.

– Граф, – обратился полковник к Волкенштейну. – Курьер только что доставил пакет с почтой, в которой содержатся важные сведения, касающиеся Его Высочества. По сведениям нашего военного атташе в Париже майора Сильви-

нии, нигилисты намерены произвести взрыв во французском посольстве в Петербурге во время официального приема, устраиваемого герцогом Монтебелло для русского императора, и уничтожить его вместе с семьей и великими князьями.

– И директор полиции смеет утверждать, что никаких заговоров нет, а мне ничего не угрожает! – загрохотал Владимир Александрович. – Скажите мне, граф, что сделал бы начальник австрийской полиции, если бы русский царь известил его о заговоре против вашего императора!

– У нас был бы страшный переполох и беспорядок, я так думаю, – сказал Волкенштейн.

– А у нас даже беспорядка нет. Наоборот, тишина и спокойствие. Полиция бездействует, а обратиться я к начальнику царской охраны – так он меня просто высмеет!

– Генерал Черевин – удивительно неприятный субъект, – согласился Волкенштейн, который прекрасно знал генерала – квартира его находилась на первом этаже в том же доме, что и австрийское посольство. – Однако его сын значительно нам неприятнее. Третьего дня, когда Ваше Высочество приезжало к нам, на крыльце посольства лежали неопознанные экскременты, и кто-то рукою этого самого сына генерала Черевина написал на стене грифелем: «От лиги чешско-сербских патриотов».

– Генерал Черевин со своим сыном-корнетом очень недружелюбны по отношению к Австрии, – поддержал посла

полковник Клепш. — Я заметил, что он никогда не пьет у себя в квартире, а только по ресторанам и в Яхт-клубе, — дома он только спит, — но он специально выставляет пустые бутылки на подоконник. Чтобы портить внешний вид нашего посольства.

* * *

Бутылки в черевинском окне раздражали не только австрийцев. О них любили посудачить посетители варгунинского трактира по соседству, они обсуждались в салоне графини Клейнмихель, и даже Петр Емельянович Владимиров, вышедший с супругой прогуляться перед сном после плотного рождественского обеда, не смог обойти их вниманием.

— Зря ты сомневаешься, Гапушка, — говорил кухмистер жене. — Мне так кажется, что господин Владимиров со своим начальником не простые какие агенты полицейские, а в самой царской охране служат. Больно уж они нахальные, да промеж собою как равные говорят, хотя один в шубе, а другой в пальтецо. А чин царской охраны, Гапушка, куда важнее врача или инженера. Вот взгляни на окна генерала Черевина. Кто еще решился бы в доме австрийского посольства подоконники пустыми бутылками заставить? А этому хоть бы хны. Другого в участок бы сволокли, а тут какой уж участок! Сам кого хочешь в Сибирь отправит. Я вот слышал, что Черевин одного жида-адвоката на три месяца в Сибирь за-

слал как политически неблагонадежного, чтобы тот на процессе какой-то его просительницы речь супротив нее произнести не смог. Или, скажем, с варгуниным младшим сыном история. Уж кого только не подмазывал папаша, когда его оглобля в присутствии жребий вытянула. Ничего не помогало. За пять тысяч пытался его в учителя сельские пристроить, семь предлагал, чтобы в ветеринары записали. Уже все, в Туркестанский округ назначили – а Черевин взял, да отменил. Теперь в гвардии служит.

– Ох, Петр Емельянович, беспокоюсь мне... – отвечала супруга. – Куда лучше анжинер какой гражданской, или даже врач...

– Врачи все выкресты, очень такого добра надо. Да и прими ты в рассуждение, голова твоя еловая, что врачи с инженерами к нам не сватались до сих пор.

– И агенты не сватались, – слабо попыталась возразить жена. – Ну что же ты опять-то за это дело с наследством ухватился, и так весь город смеется! У Варгунина в свечной лавке приказчики до сих пор зубы скалят, когда я мимо хожу.

– Вот уж я Артемию Ивановичу скажу, что сынок Варгунина в дом к Варакуте и к Симановичу часто ходит – сразу скалиться перестанут. Лукич говорит, что наши господа очень посетителями этого дома интересовались. Вот уж я с Варгуниным поквитаюсь. А как Варгунина разорим, я его трактир куплю.

Супруги Владимировы остановились напротив дома с

вывеской «Трактирное заведение Варгунина». Предвкушая скорое разорение своего конкурента, Петр Емельянович представил, как вместо этой аляповатой вывески повесит новую, скромную и внушительную, золотыми буквами на зеленом фоне: «Крымские и кавказские вина П. Е. Владимирова, поставщика двора Его Императорского Величества». Мечта завести винную торговлю овладела кухмистером еще с первого приступа к владимирскому наследству.

«Надо будет написать князю Голицину, что я закуплю наперед партию в тысячу бутылок», – подумал он.

– Пошли уж домой, Петр Емельянович, – дернула его за рукав супруга. – Спать пора, а ты вон как разгорячился. Ты же не справишься иначе к обеду все приготовить!

– А Варгунина я все равно разорю, – сказал кухмистер и до самого дома Клейнмихель оглядывался назад и что-то бормотал угрожающе.

Здесь их обогнала карета и, едва не задев кухмистершу ступицей заднего колеса, подкатила к парадному крыльцу.

– Тьфу, карлик выскочил, – сплюнул презрительно кухмистер, когда они отошли на несколько шагов и осмелились оглянуться на карету. – Он думает, что он пуп земли. Генералишка в шубейке, и та криво сидит. Вот увидишь: как дочку замуж выдадим – такие генералы тебя за 100 саженей будут объезжать. Придешь туда на бал, свет прикрутишь да скажешь: «Заведение закрывается». И все как тараканы на улицу прыснут. Смотри, жена на полголовы его выше, а он

туда же – в генералы!

– Петенька, ну что ты все время дуешься? – спросила тем временем мужа генеральша, вылезая из кареты. – Зачем ты Парамона уволил? Уж семь лет у тебя шубы крал, так ты мог бы и до конца святок потерпеть. Не делается так у людей – чтобы на Рождество камердинера увольнять, а потом самому одеваться. Да я без камеристки в корсет влезу скорее, чем ты один без Парамона – в свой мундир.

– Захотел – и уволил! – рявкнул Петр Николаевич Дурново. – Без бабья разберусь.

Сегодня утром к нему явился его сосед, генерал-майор граф Келлер, и устроил прямо при прислуге громогласный скандал. «Вы что же это, милостивый государь, – кричал граф командным голосом, – посылаете камердинера через чужую прислугу шубы воровать для своих надобностей?! И зачем вам понадобилась моя шуба, когда при вашем росте ее рукава хватило бы или жениной муфты?! Мало того что по лестнице к вам мазурики каждый день шляются, которых в приличном доме швейцар дальше крыльца не пустил бы, так вы еще моего собственного камердинера развращаете, чтобы у меня шубы крал!» Пришлось тут же, при Келлере, рассчитать Парамона и выгнать взащей. Теперь Петра Николаевича угнетала мысль о том, что граф, будучи родным братом графини Клейнмихель, хозяйки сегодняшнего благотворительного вечера, может запросто оказаться здесь же и выставить его на посмешище всему собравшемуся обществу.

Дурново взглянул на солидного швейцара, распахнувшего перед ним дверь парадного подъезда. «Всё уже знает, подлец», – подумал Дурново, глядя на его обрюзгшее лицо, заключенное в волосатую раму из бакенбард и бороды, на котором ровно ничего не было написано.

– Бог мой, Петр Николаевич, – ужаснулась его жена, когда после темноты улицы они оказались в вестибюле на ярком свете и лакеи помогли снять шубы.

Директор Департамента полиции огляделся. Келлера внизу не было. Справа среди ельника, составленного из молодых деревьев, купленных гуртом у Гостиного двора и покрытых, словно инеем кристаллами соли, выглядывало стоявшее торчком медвежье чучело. Обычно оно находилось у лестницы с подносом для визитных карточек; к этому вечеру, дававшемуся в пользу Сергиевского братства, поднос у чучела отобрали, и, подкрасив йодной настойкой поеденные молью места, поместили у самого входа, перед дверями уборной. Оскалившаяся морда медведицы будто говорила приветливо всем входящим: жертвуйте, братцы, на приют и жалование отцу Василию Корыстину, поднос вас ждет наверху.

– А что, любезный, граф Келлер уже прибыл? – спросил Дурново у лакея.

– Уже час как здесь, ваше превосходительство.

– Да ты совсем, как пугало! – продолжала пилить Петра Николаевича супруга. – Я пойду в уборную, приведу себя в порядок, а ты пока скажи лакею, чтобы он на тебе мундир

оправил. Не позорь меня.

— А ты нос не забудь припудрить, — огрызнулся он. — У тебя сосулька на нем.

Петр Николаевич отмахнулся от лакея, который, слышав слова г-жи Дурново, подошел помочь, и от волнения принялся бегать из угла в угол вестибюля, то и дело оглядываясь на медведицу. Ему казалось, что теперь она скалится над ним, дескать, я хоть и женского полу, но в тебе и половины моего роста нету. Какой несуразный человечиска.

Наконец явилась из уборной комнаты супруга с густо напудренным носом, и они пошли вверх по лестнице. В аванзале, где свет был притушен, а все тот же искусственный еловый лес был обильно украшен круглыми цветными фонариками, прямо напротив входа у стены высилась глыба, составленная из ледяных блоков, которым какой-то умелец придал форму блестящей скалы. Однако каким бы он не был умельцем, он не удосужился выковырять вмерзшую еще по осени в невский лед дохлую крысу, которая теперь, когда поверхность глыбы покрылась талой водой, стала хорошо видна и выглядела столь же изящно и пикантно, как доисторическая навозная муха в огромном куске балтийского янтаря. Еще одним украшением ледовой скалы были бутылки шампанского, чьи горлышки задиристо торчали из наклонно просверленных отверстий, словно жерла орудий в борту пиратского брига.

Гостей встретила хозяйка особняка, графиня Клейнми-

хель в затканном серебром белом платье, в крашенных синь-кой страусовых перьях и в жемчужном колье со сверкающими бриллиантами – на три четверти фальшивыми и на одну четверть настоящими.

– Петр Николаевич, Екатерина Григорьевна, вон там сервирован чайный и фруктовый буфеты. Ольга, – Графиня обернулась к дочери, встречавшей гостей вместе с нею и покрывшейся из-за близости искусственного айсберга с шампанским гусиной кожей, – проводи гостей и накинь шаль. На твои плечи тошно смотреть. Если тебе сейчас дать кружку и пустить по залу, то ты соберешь для приюта больше, чем мы выручим от концерта за весь вечер.

– Ты иди к буфету, Екатерина, загляни, будто невзначай, в столовую: нет ли там графа Келлера? – сказал Петр Николаевич, остановившись посреди аванзала. – Я тебя здесь подожду.

Он украдкой нырнул в благоухающий свежей хвоей еловый лес и быстро, слегка согнувшись и таясь по правилам военных маневров, засеменял к большому зеркалу на стене. Оттуда на него смотрел измученный, растрепанный, с трупными пятнами на лице от цветных фонариков карлик. «Подумаешь, не такой высокий, как эта дылда...»

– Петр Николаевич, что ты там делаешь? – раздался голос жены.

– Грибы собираю, – зло откликнулся Дурново.

– Граф Келлер в столовой, я сказала ему, что ты его разыс-

киваешь.

– Вот дура-то неученая! – буркнул Петр Николаевич себе под нос. – Даром что тесть твоего брата – министр народного просвещения.

Он вышел из леса и подошел к супруге, которая нагребла в буфете конфет и стала тут же их запихивать ему в карманы. К ним приблизился лакей с подносом, уставленным хрустальными бокалами, и встал поодаль.

– Да хватит же, Екатерина Григорьевна, графиня Клейн-михель смотрит! – Петр Николаевич оттолкнул руку жены с зажатой в ней горстью конфет.

– А что мне с ними тогда делать?

– Съешь их.

– Но они для детей!

– Для детей у меня вот тут, – Дурново похлопал себя по оттопыренным карманам мундира.

Он сделал знак лакею, тот вынул из ледяной глыбы у стены бутылку шампанского, ловко открыл ее и наполнил один из бокалов.

Петр Иванович хлопнул его залпом, как водку, и решительно вошел в столовую. Зал был залит светом, было очень жарко, и в воздухе можно было вешать топор от запаха пота, смешанного с ароматами духов и свечей. Громкое жужжание голосов, позвякивание бокалов и тарелок, приглушенное хлопанье пробок оглушали после тишины и полусумрака аванзалы. Здесь тоже был сервирован открытый буфет, а

напротив него переливалась радужными цветами еще одна ледяная глыба с шампанским, но уже без крысы.

Дворецкий объявил прибытие тайного советника Дурново с супругою. Очередной лакей подал ему бокал, вино ударило в голову, а ноги стали ватными – должно быть от страха. Петр Иванович рассеяно осмотрел присутствующих. В столовой в ожидании начала благотворительного концерта толклось, переминалось с ноги на ногу, жрало и пило блестящее собрание представителей высшего света.

Здесь был и министр внутренних дел, дальний его родственник Иван Николаевич, и управляющий министерством путей сообщения, и командующий императорской главной квартирой, и начальник главного тюремного управления. У самой ледяной глыбы тянул бутылку за бутылкой дипломатический корпус: француз граф Монтебелло сам доставал шампанское, передавал итальянцу барону Марокетти, и уже затем состоявший при иностранцах особый лакей откупоривал ее. А вот графа Келлера видно не было. Может быть, он стоял где-то далеко, а может и вышел куда-то. Зато у окна близ двери на балкон стоял сенатор Оржевский, к которому присоединились градоначальник фон Валь и начальник канцелярии генерала Черевина камергер Федосеев. Опустив глаза и не глядя по сторонам, Дурново решительно направился к ним. Не то чтобы они были приятны ему, но все так или иначе были причастны к одному делу, к охране порядка в столице и в империи, а потому отличались плохой наблю-

дательностью и не входили в круг знакомств, в котором вращался генерал Келлер.

Ни разу в жизни Петр Николаевич не обращал внимания на пол в тех местах, где он бывал. Теперь же он заметил, что в некоторых местах паркет плохо натерт мастикой, кое-где были видны длинные царапины от шпор. «Пол и мораль» – припомнилось ему название недавно читанной книжки.

– Я не понимаю, как так можно было поступить! – воскликнул где-то над его ухом женский голос. – Человек с высоким положением, пользующийся весом в обществе, согласился содержать ее в обмен на любовь, и дает ей все, что он может потратить сверх содержания своей семьи, а она так бестрепетно обманывает его! В конце концов, это низко!

– Но что делать, если она имела несчастье полюбить другого, – сказал уже другой женский голос, – но не может пока открыто отказаться от покровительства, чтобы не нанести человеку незаслуженную душевную рану?

– Все это чушь собачья! – раздался сварливый старушечий голос, сопровождаемый гневным постукиванием палки по полу. – Вы мне тут про душевные раны не рассказываете! Разве можно нанести рану душе бесчувственного болвана?

Дурново почувствовал, как комковатый узел орденой ленты на шее, завязанный им после получасовых мучений, стал еще сильнее тереть загривок – краем глаза он заметил движение указавшей на него палки.

– Старая карга, – проворчал про себя Петр Николаевич,

узнав известную всему Петербургу своим несносным характером старуху Прасковью Иосифовну Топчину, в свое время найденную самим Бонапартом в Москве на обгорелых развалинах губернаторского дома и увезенную императором в Париж.

Злые языки говорили, что ни о чем он так не жалел в последние годы на о-ве Св. Елены, как о том, что не было с ним Прасковьи Иосифовны.

– Вот при Александре Павловиче и Буонапарте действительно были мужчины, которым можно было нанести душевную рану. И я наносила их, можете мне поверить. А в том, что дама, имеющая богатого и солидного покровителя, решила сама оказать покровительство человеку молодому и малоденежному, я не вижу ничего дурного. Ведь она не тратит на своего протеже денег, которые получает от своего покровителя!

– А вот когда я, например, лечу на крыльях любви, я вовсе не думаю о деньгах.

«Что за идиотка?» – подумал Дурново и оторвал взгляд от паркета. Говорившая была смазливой шестнадцатилетней девицей с глупым восторженным лицом, которая явно только что начала выезжать в свет.

– Вы не правы, милочка, – оборвала девицу Прасковья Иосифовна. – Лишь те крылья любви, что оперены ассигнациями, могут нести вас достаточно далеко и долго, и могут вознести достаточно высоко. Только перышки эти следует

конвертировать в какие-нибудь надежные вложения за границей, чтобы грянувшись с крыльев тех оземь, жить потом себе припеваючи, как Катька Долгорукая, а не кусать локти. Вот если камергершу Федосееву вчистую уволят, то будет она себе на мужнино жалование раз в год чулки покупать и перчатки бензином мыть.

Сквозь скрипучий голос Топчиной Петр Николаевич вдруг услышал знакомый бас графа Келлера и снова быстро опустил голову. «Только бы не заметил и не пристал», – подумал про себя Дурново и быстрее засеменил ножками.

– А боишься опозориться – используй афродиазические средства, – разгорячено доказывал граф своим собеседникам, стоявшим кружком неподалеку от дам.

– В Европе, я знаю, пользуются успехом возбудительные гензензовые и ассератические лепешки, – с легким, едва заметным армянским акцентом отвечал собеседник Келлера, пожилой тайный советник в мундире министерства народного просвещения. – Я пробовал их в Неаполе тем летом, и скажу вам – это вещь. Еще могу порекомендовать бальзам Жилия де Самомона, пьете по 1 чайной ложке на хорошем вине!

«Самое худшее, что можно было бы себе выдумать – это Келлер в компании тестя моего шурина», – подумал Петр Николаевич, но стоически продолжил свой путь, делая вид, что никого не замечает вокруг.

– Я боюсь, господа, – возразил третий голос, которого

Дурново не признал. – И не уговаривайте. Все эти средства содержат в себе тинктуру шпанских мух, которая есть обыкновеннейший кантаридин. Мне рассказывали, что победитель ваххабитов Ибрагим-паша как-то принял несколько граммов тинктуры шпанских мух и умер в страшных судорогах от образовавшегося приапизма.

– Ибрагим-паша – чахлая турецкая натура, – сказал граф Келлер. – Для русского человека ваш этот кантадерин опасности не представляет, разве что человек этот ростом с гулькин нос. Тут уж ничего ему не поможет, разве палку привязать, было бы к чему. Ах, Боже мой, Петр Николаевич, дорогой!

Дурново замер на месте и обреченно поднял голову.

– Я только что как раз о вас вспоминал, – сообщил граф Келлер. – Шуба-то не нашлась?

– Представляете, Николай Давыдович, – сказал Келлер своему собеседнику, – сам директор Департамента полиции от воров уберечься не может. В собственном доме. Мне доктор Бертенсон рассказывал, что есть такая болезнь, kleptomania называется. Это когда человек удержаться не может, чтобы что-нибудь не стащить. Ему все равно, шуба это или конфеты...

– Не знаю такой болезни, – буркнул Петр Николаевич и поспешил укрыться за спинами своих коллег.

– Вы что, прямо из борделя? – спросил его камергер Федосеев, отвлекаясь от разговора.

– С чего вы взяли?! – дернулся Дурново.

– А где еще приличный человек сам вынужден одеваться? Только не говорите, что это камердинер вам орден морским узлом на загравке завязал, и панталоны английскими булавками к жилету пристегнул...

– Не был я ни в каком борделе, – Петр Николаевич торопливо укрылся за занавеску.

У окна директор Департамента полиции был уже не так заметен и мог до начала благотворительного вечера отстояться тут, у гардины. От разговора с Келлером у него было такое чувство, словно он, как во времена своей морской юности, час драил языком медяшку.

– Я слышал из верных источников, – как ни в чем не бывало, продолжил свою речь градоначальник фон Валь, словно Петр Николаевич исчез или вообще был пустым местом, – что цесаревич не хочет царствовать, а Георгием Государь с Государыней не довольны. И что Государь, де, наметил уже Михаила себе преемником. А еще говорят, что цесаревич был влюблен в сестру кайзера Маргариту, но жениться ему на ней не позволили и через две недели выдают ее за принца Фридриха Карла Гессенского. Мне сказали, что цесаревича на нее присутствовать от имени Государя посылают.

– А я слышал, что цесаревич сам решил отказаться от престола, – сказал Федосеев. – И собрался жениться на Кшесинской 2-й, с которой уже давно состоит в связи. Правда-правда, на фабрике Жоржа Бормана все об этом знают, она цеса-

ревича туда за конфетами по ночам посылает, когда лавки кондитерские закрываются.

– Мне об этом не докладывали, – сказал Валь. – Вообще-то мы за ним все время следим. Он же сущее дитя, переходя улицу, даже по сторонам не смотрит. Того и гляди под лошадь угодит. Так мы придумали за ним пожарный обоз посылать, всюду его сопровождает с факелами и колоколами. Весь гужевой транспорт расступается, и цесаревич безопасно идет по улице.

– А, так вот почему Черевин удивлялся, что цесаревич вбил в голову, будто в городе постоянно пожары происходят, – сказал Федосеев.

– Один раз он только обратил внимание на полицейского, да и тот просто шел на службу с бумагами. Цесаревич дал ему 25 рублей и сказал, чтобы тот не говорил, что его видел. Тот потом растрепал об этом на весь участок.

– А Государь знает про его похождения? – спросил Оржевский, попыхивая папирсой.

– Я еще летом говорил об этом Черевину, тот сказал Воронцову, но Государю так и не решились донести, а рассказали все великому князю Алексею Александровичу, – ответил фон Валь. – Великий князь настоял, чтобы цесаревич снял для своей maotresse на Английском проспекте в доме испанского посольства – том самом, что рядом с фабрикой Жоржа Бормана, – квартиру, куда и ездил бы под видом посещения Кампоши, но посол наш гишпанский, сами изволите знать,

разорился и отъехал. Так что теперь цесаревич якобы ездит на Мойку к дяде во дворец, а сам шасть – и к Кшесинской. А Государю так никто и не донес.

– А я слышал, господа, – высунулся из-за занавески Дурново, которому захотелось промочить горло, – что дети Государя ужасно трусят отца. Фредерикс рассказывал, – Петр Николаевич указал пальцем в сторону обер-штаб-ротмистра, – что когда у цесаревича временно взяли его кучера, он осведомился, отдадут ли его ему обратно. Барон спросил у цесаревича, почему тот сам не узнает об этом у царя, на что наследник отвечал, что не решается.

Директор Департамента полиции выглянул наружу из-под локтя Оржевского и поманил к себе пальцем лакея. Лакай подал ему шампанское, которое Дурново, словно запасливый хомяк, тотчас спрятал за гардину на подоконник. Теперь можно было спокойно наблюдать за происходившем в зале, прикладывая к губам бокал и заедая конфетками.

Неподалеку он увидел плотную высокую фигуру бразильца Феррейры д'Абреу, любезничавшего с щеголявшей новым платьем цвета светлой сирени г-жой Пистолькорс. «Любезничай, любезничай, – зло подумал Дурново. – Эти двое тебя выведут на чистую воду! А Пистолькорс-то какова! Вьется, как муха вокруг дерьма. Мужа ей, что ли, мало?»

Он еще больше помрачнел, вспомнив, как однажды в «Пассаже» толкнул лбом в бедро ее супруга и поцарапался о его шашку. На что штаб-ротмистр, театрально наклонив-

шись, спросил: «Что вам, милостивый государь, угодно?» Даже агенты, охранявшие Дурново, едва скрывали улыбку. «Ну ничего, – подумал Петр Николаевич, – супруга твоя крови тебе попортит.» Ходили слухи, что этим летом в лагерях на нее обратил внимание великий князь Павел Александрович, да и великий князь Владимир стал заглядываться на нее, когда она навязалась в подруги к Марии Павловне и стала часто бывать во дворце на набережной.

– При таком градоначальнике, как вы, – сказал Оржевский фон Валу, – можно быть спокойным за безопасность наследника. И я теперь могу спокойно отбыть к новому месту службы в Вильно и не бояться, что эти милостивые господа из полиции допустят еще какое-нибудь покушение. Полицейские при вашем предшественнике совершенно развратились, взяточничество было просто ужасное. Вот скажите мне: как, получая шесть тысяч, Грессер жил не в пример лучше меня, хотя мое жалование было почти десять тысяч. Его жена одевалась лучше, чем моя, хотя моя – урожденная Шаховская! А все потому, что оба они брали взятки.

– Лично я тоже взятки не беру, – сказал Федосеев.

– Сыскное отделение с Путилиным во главе при Грессере 120 тысяч ежегодно получало и ничегошеньки не делало, а у меня Секеринский с Охранным отделением на всю Россию 90 тысяч получал, и это его люди 1 марта злоумышленников выследили, а полиция тут вовсе ни при чем была, – продолжал, расходясь, Оржевский.

– Ваши филеры случайно их схватили, – подал голос из-за занавески Дурново. – Они даже не знали, что у них с собой бомба. А Грессер действительно большой долдон был. Но выезжайте спокойно к себе в Вильно, никаких заговоров не существует, а если и существуют, то мы с ними разберемся.

– А как же слухи, ходящие по городу? – спросил Федосеев.

«Ходят слухи, что ваша супруга в монастырь собралась, – подумал про себя Дурново, – а на самом деле она с генералом Черевиным херес распивает.»

– Не всяким слухам верить можно, – сказал он громко. – Все это немцы придумали.

– Почему придумали? У них в Европе заговоры социалистов и взрывы адских снарядов в порядке вещей. От них и к нам перешло по грехам нашим. И нечего себя обольщать: люди без разума и совести, одержимые диким инстинктом разрушения, выродки лживой цивилизации развелись ныне у нас эпидемически.

– Немцы могут и заговор выдумать и заговорщиков у нас найти среди помянутых выроdkов, и деньги им на адские машины ссудить... – к беседовавшим подошла женщина, до этого стоявшая неподалеку вместе с дочерью и внимательно прислушивавшаяся к разговору.

Это была княгиня Радзивилл, тетка хозяйки графини Клейнмихель, с этого сезона вывозившая в свет свою старшую дочь Луизу.

– А зачем же тогда предупреждать? – спросил у нее Дур-

НОВО.

– Чтобы потом сказать: мы же предупреждали вас.

– Но мы можем быть спокойны, – сказал Федосеев, – поскольку все наши ловцы душ носят имя Петр, – Черевин, Дурново, Секеринский, Оржевский, Рачковский, – и за ними Государь как за каменной стеной. Петр Николаевич, разлейте шампанское, выпьем здоровье Государя.

– У меня нету, – Дурново отдернул занавес и показал пустой подоконник с одиноким бокалом. – Я бокал у лакея с подноса брал. А что, уже кончилось?

– Похоже на то, – кивнул головой Федосеев.

– Вон, дипломаты уже отчалили от скалы, значит в ней не осталось уже ничего, – сказала Радзивилл.

– Скоро в залу позовут, – вздохнул Оржевский и поманил лакея, на подносе у которого заметил откупоренную бутылку. – Хозяйка новое выставить поскупится.

Вслед за лакеем потянулись к Оржевскому и дипломаты. Монтебелло с Марокетти, неотрывно глядя осовелыми от шампанского глазами на уплывавшую от них бутылку, шествовали за нею, словно крысы за волшебной дудочкой Крысолова. По пути они зацепили бразильца, оставленного г-жой Пистолькорс в одиночестве, и втроем присоединились к кружку претендентов на последнее шампанское.

– Какой невыносимой холод, – сказал Монтебелло, растирая руки. – У меня руки онемели от этих бутылок и этой глыбы. Да еще шампанское ледяное просто. Они здесь в России

специально его морозят что ли? Скажете, любезный Марок, как вы здесь прожили столько времени?

— А я привык, — сказал барон Марокетти. — Хорошее вино да побольше дров скрасят ваше существование в любой мороз.

— А меня этот холод так удручает. Как мой отец мог так долго выжить в этом климате? Мы сейчас ремонтируем посольство, где я намерен провести большой франко-русский бал, так что у нас нет ни дров, ни вина. И двери все время настежь, потому что русские рабочие постоянно припирают их чурками, чтобы не надо было лишний раз открывать. А как вы, д'Абреу, переносите такие страшные холода?

Петр Николаевич мгновенно высунулся из-за занавески и вперил взгляд в бразильца.

— Барон прав, — сказал д'Абреу, не замечая пристального взгляда Дурново. — Старый ром, много дров и хорошенькие женщины... Хотя даже они не всегда помогают забыть-ся: Вчера из-за больших морозов у меня в клозете всплыли пиявки! Пятый год здесь живу, а такого еще не бывало.

— Подумаешь, пиявки! — сказал Федосеев. — Мы с генералом Черевиным и еще одним лицом, имя которого я не смею назвать, однажды так укушались, что у нас изо всех щелей черти зеленые полезли. Мы ловили их и вязали полотенцами, а упоминавшееся лицо било их по головам бутылками. Знатно мы тогда повеселились! У меня до сих пор отбитые на левой руке пальцы плохо шевелятся

– Пиявки лучше любых шарлатанских средств при бессилии, виконт, – сказала бразильцу княгиня Радзивилл. – Я только что слышала, как генерал Келлер с другими господами очень бурно обсуждали этот вопрос. Вот Грессер не был бы дурак, не колот бы себе всякий «виталин», а ставил бы пиявки, так и жив был бы. Кстати, пиявки, выжившие на воле при таких морозах, отличаются особыми свойствами.

«Интересно, правду ли говорят, что княгиня Радзивилл претендует последнее время на место госпожи Федосеевой при генерале Черевине? – подумал Дурново. – Хитрая стерва. На немцев-то как злится! Еще бы не злиться, когда ее с треском выставили из Берлина с запрещением впредь появляться при дворе. Она, небось, ставит пиявки Черевину, оттого он на нее и внимание обратил. А так этот старый хрыч ничего не может, уже, говорят, Федосеева жаловалась.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.